СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

16+

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2014 | октябрь

интеллектуальный диалог

Фото В. ВАНИЛЕВСКОГО

СВОЙ ПУТЬ: НАЙТИ ЕГО ТРУДНО

и идти нелегко

стр. 2-24

СЛОВЕСНЫЕ «ЗАГОТОВКИ» ДЛЯ ФИРМ

Инна Ромашова: стр. 10

«Иногда руководство, чтобы сэкономить время и деньги, просто передаёт «речевые модули» сотрудникам для заучивания. Но лучше, когда работа предусматривает сопровождение. Это значит: филолог разрабатывает шаблоны, проводит тренинги, отслеживает, насколько хорошо внедряемый модуль работает, проводит аттестацию персонала».

ДВЕ ФЛЕЙТЫ, ДВА КЛАРНЕТА, ДВЕ ВАЛТОРНЫ И ДВА ФАГОТА

Валерий Березин: стр. 12

«И тут я понял, с чего начинается историк. Потому что пересказы, интерпретации и трактовки, которые приведены в некоторых учебниках, не стоят и трёх копеек. Историк должен обладать кругозором, а у нас музыкальный историк — только музыкальный, а это неправильно. Он не знает контексты».

ПРОПУСТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОЙТИ

Александра Семёнова: стр. 22

«В этом году культурная и отчасти литературная программа КРЯКК во всех аспектах раскрывает урбанистическую тему с названием «Город, в котором МОЖНО». … И даёт уйти от запретительной эстетики городского пространства».

«По мнению московских арт-критиков, Красноярск считается последним городом на карте страны, где присутствует современное искусство. Они цинично говорят, что за Красноярском искусства нет. Что они в это вкладывают? Естественно, есть авторы, художники и на Дальнем Востоке или в Иркутске. Но ситуация не создана, нет удобренной почвы и событийности. Даже когда открывали сеть центров современного искусства по России, в Красноярске оказалось нечего делать, потому что у нас процесс запущен, идёт».

Василий СЛОНОВ
о том, как жить художнику сегодня

стр. 20-21

Социальный статус и творческая реализация перестали играть в жизни россиян такую роль, как ещё 5 лет назад. По данным ВЦИОМ, с 2009 года оценка важности этих составляющих нашей личной жизни снизилась на треть.

В этом смысле люди, о которых сегодня пойдёт речь, представляют всё более редкий тип людей. Им важно именно реализоваться, найти себя, делать дело, которое приносит не только радость, но и пользу (последнее можно переставить местами).

На самом деле такие люди редкими были всегда. Просто потому, что это нелегко — найти свой путь. Сейчас вроде бы шансов на это у нас значительно больше: пробовать можно любые практики, ездить в любые страны, знакомиться с любыми людьми и получать любые знания. Но тут и выходит на первый план препятствие нашего времени: ради «своего» тоже надо потрудиться. Мы за деидеологизированные десятилетия привыкли жить в удовольствие, а тут надо не просто — позволить себе то, что нравится, а реально вложиться, ежедневно работать и подниматься вверх.

Кстати, из этого обстоятельства без всякой задней мысли сам собой формулируется принцип: именно те, кто находит свой путь — главные трудяги. Может, потому бессознательно мы стремимся реализоваться всё меньше?..

Красота результата

Тимур ИСХАКОВ — директор ООО «Информационные технологии», бизнесмен, в недавнем прошлом чиновник, кандидат физ.-мат. наук, альпинист, программист… Однако о чём бы ни заходил наш разговор, мы всё время возвращались к работе. Что ж, редкая возможность узнать мысли людей, которые большую часть своего времени проводят в виртуальных мирах.

— Тимур Рауфович, ваша компания на рынке уже 17 лет, пишете программы на заказ. А как в вашей сфере сейчас с работой, не чувствуете наступления кризиса?

— Кризис ощущается достаточно давно. Для заказных разработок он начался, когда у крупных корпоратов выстроились свои вертикали власти, и они начали заказывать все программы в Москве. Понятно, что там в разы дороже, чем здесь, есть проблемы с сопровождением, да и сами решения бывают неадекватными, но за них всё решили.

— В результате на местном рынке конкуренция обострилась.

— Нет, среди тех, кто остался жив, она не очень велика, все разошлись по сегментам. Насколько я знаю, масштабных прорывов ни у кого нет. Но работать можно.

— Вы сами давно в компании?

— Я начинал работать тут в 2004—2005 годах, затем ушёл в администрацию края, в минэкономики, но вернулся в «Инфотех» в 2010 году. По образованию я физик, закончил физфак КГУ.

— Почему не пошли работать по специальности?

— Как раз пошёл. Моя специальность — компьютерные методы физики, я программист с уклоном в естественные науки. Занимался численным моделированием и автоматизацией экспериментов.

— Диссертация у вас по экологии.

— Да. В аспирантуре я занимался математическим моделированием в экологии.

— То есть совсем другой темой.

— Ну как другой? В последнее время в своей компании я занимаюсь не столько программированием, сколько аналитикой, постановкой задачи, прикладным системным анализом. И в аспирантуре по большому счёту занимался тем же самым. Только там было моделирование лесных насекомых, а тут — бизнес-процессов в организации.

— А что вам больше всего нравится делать?

— Детский вопрос. Мне вообще нравится моя работа, и я сознательно двигался к ней. Занимаюсь именно тем, чем хотел.

— С детства решили?

— Нет, конечно. Какой ребёнок мечтает быть программистом? Он мечтает стать моряком, потому что форма красивая.

Детство у меня было самым обычным. Хорошо учился — в 41-й школе в Академгородке, потом поступил в университет на физфак. Родители — учёные, профессора, доктора наук. Мама родилась в Красноярске, а папа перевёлся на красноярский физфак из Самарканда.

Осознание того, чем я хочу заниматься, пришло в университете. Когда встал выбор — идти на кафедру радиофизики заниматься прикладными компьютерными технологиями или в чистую науку, я долго думал, что мне интереснее — писать программы или читать километры формул. И решил, что первое. Конечно, тогда я не особо представлял себе, чем занимаются программисты, что такое прикладные разработки.

По идее, если бы я слушал родителей, то тоже занимался бы наукой. И жил бы где-нибудь в Канаде уже лет десять.

— А почему не уехали? Многие люди вашей профессии уезжают.

— В аспирантуре думал о таком варианте. Но решил остаться. А сейчас и вовсе нет желания менять место жительства.

— В Красноярске достаточно возможностей для развития?

— Не знаю, как в других областях, но программисту для развития на начальном этапе не надо ничего особенного. Знать английский язык, уметь пользоваться Интернетом и хоть что-нибудь писать. Для дальнейшего профессионального развития — то есть чтобы зарабатывать этим на жизнь — тоже много не надо, достаточно работать в компании, которая занимается созданием программ на промышленной основе. В Красноярске их много, можно прийти и поработать несколько лет.

Конечно, и у нас в компании уезжают — один парень недавно переехал в Австралию, другой в Калифорнию. Друг мой уехал в Таиланд — в его бизнесе разрабатывают компьютерные игры для западных заказчиков, и любые поползновения в области регуляции Интернета вызывают панику у учредителей. Вот и уехали, аренда там даже дешевле.

Действительно, такова наша профессия: любой программист, который проработает в компании, подобной нашей, чуть больше года, легко найдёт работу за рубежом. Причём ещё на стадии рассылки заочных резюме его, скорее всего, возьмут сразу в нескольких местах. Конечно, для работодателей это сильная головная боль.

Если говорить о возможностях развиваться здесь: понятно, что компания, которая работает в Красноярске, будет заниматься достаточно прикладными задачами.

— То есть здесь программистам не очень интересно?

— Ну как неинтересно? Есть те, кому больше нравится работать именно в этой сфере, в производственной. Красноярские IT — это скорее производство. Такие маленькие заводики, которые делают программы. Конечно, если человек хочет заниматься чем-то более фундаментальным, на переднем рубеже computerscience, то надо ехать в Москву, в «Яндекс», например, куда вполне может устроиться выпускник приличного красноярского факультета.

— А вам, я так понимаю, именно прикладные задачи нравятся.

— Да. Помните цитату: беда с этими творческими личностями, все хотят быть поэтами, художниками, музыкантами, а производством труб большого диаметра потом занимаются посредственности. Так вот мы просто хорошо занимаемся производством труб. С полной отдачей и любовью к своему делу, так что получаются более-менее нормальные трубы.

Интересные проекты возникают из обычных, рядовых задач. С точки зрения потребителя всё выглядит достаточно банально. Есть базы данных и рабочие места. Одни люди вносят данные в базу, другие пользуются этими данными. Но это огрублённое представление, конечно.

На самом деле это сложно устроенный процесс со своими требованиями, который должен приносить конкретные результаты и быть увязан со всеми процессами организации, для которой пишется программа. Поэтому огромное значение имеет постановка задачи, работа аналитика: какие процессы заказчику нужны, какие нет, что требуется изменить, что нужно автоматизировать.

— Гуманитариям во всём этом сложно разобраться.

— На самом деле в прикладных разработках граница между техническим и гуманитарным взглядами искусственная. Потому что аналитика там скорее гуманитарная. Да, нужно знать какие-то методики, обладать навыками, но айтишный аналитик без хорошей гуманитарной культуры невозможен. В принципе, здесь требования как к нормальному юристу, потому что речь идёт о переводе наблюдаемой реальности в набор концептуальных моделей. Юрист, когда пишет закон, делает то же самое: сначала выводит концептуальные модели из реальной ситуации, а потом постулирует связи между ними законом.

Продвинутый юрист таким образом вполне может заниматься постановкой задачи для IT. И айтишного аналитика «переключить» на юриста можно достаточно быстро.

— Как компьютерные технологии меняют мир? Чего ждать лет через 30?

— Не возьмусь предсказывать. Заметьте, никто из фантастов прошлого не предсказал Интернет, ту реальность, в которой мы живём сейчас. В совсем недавних представлениях о будущем видеотелефоны казались огромным достижением, но теперь, когда каждый смартфон может гонять видеосигнал по скайпу в обе стороны, оказалось, что никому это особо и не надо.

Скорее всего, я думаю, технологии будут двигаться в сторону «материализации». Проекты умных домов, цифровых аптек, телефон в голове, 3D-принтеры как примета новой технологической революции. Думаю, мы доживём до того времени, когда какой-нибудь дверной ключ будем печатать себе на домашнем принтере.

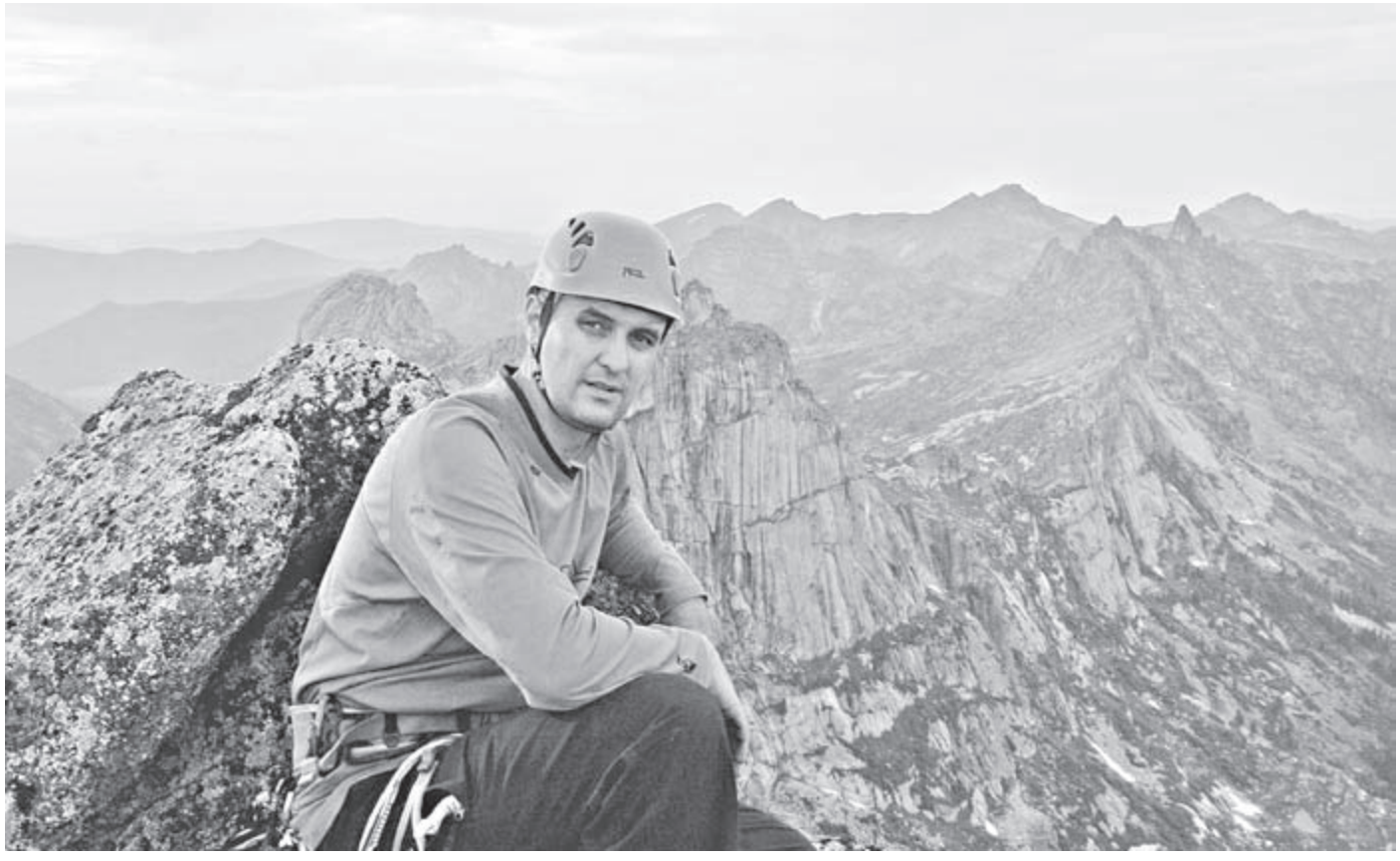
Мне интереснее другое — как технологический прогресс будет уживаться с обществом, как оно будет меняться под влиянием информационных технологий. Социальные сети уже заметно изменили нас. Сайты знакомств убили ночные клубы в их первоначальном назначении. И вдохновение для прогнозов на будущее можно черпать в разного рода фантастике.

Когда ПЕЛЕВИН написал «Снафф», все думали, что война, специально создаваемая для показа красивой картинки, это что-то невозможное. И вот в последние месяцы все чуть ли не в реальном времени могли наблюдать работающий ГРАД… Задумываешься над тем, как быстро начинают сбываться прогнозы.

Газета «СИБИРСКИЙ ФОРУМ. Интеллектуальный диалог», № 5 (37) от 15 октября 2014 г.

Учредитель — ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю 30 ноября 2009 г. Регистрационный номер ПИ № ТУ 24–00157
Адрес редакции, издателя: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, строение 6, каб. 3–11, т. (391) 206-28-76
e–mail: newspaper@sfu–kras.ru //Главный редактор: В.М. Ефанова //
Распространяется бесплатно. / Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. // При использовании материалов газеты ссылка на издание обязательна.

// Отпечатано в ОАО «ПИК "Офсет"»
// г. Красноярск, ул. Республики, 51
// Подписано в печать 14. 10. 2014 г.
по графику — 20.00, фактически — 20.00
// Заказ № 5643 // Тираж 5000 экз. //



— Вы читаете фантастику? И какие книги вообще любите, кроме Пелевина?

— Фантастику — нет. Ну а Пелевин — это профессиональная необходимость. Читаю чаще всего классику, русскую и зарубежную.

— А время, в котором мы живём, вас устраивает?

— Как будто мне есть с чем сравнивать. Вообще, устраивает. К вопросу о том, почему я не уехал. Сейчас многие говорят, что здесь всё плохо, жить невозможно, пармезан отменили… При этом есть моя бабушка, которая родилась в хакасской деревне, приехала в начале войны на завод по комсомольской путёвке, всю войну там работала, ели непонятно что, жили непонятно как, но нарожали детей, вырастили, дали им образование. И как я могу, глядя на бабушку, говорить, что сейчас жизнь плохая и тяжёлая?

Кстати, спросишь у неё, говорит: всё было нормально, были молодыми, иначе всё воспринимали. То есть если хочешь убедить себя в том, что тебе не повезло со временем, это можно сделать независимо от того, в какой эпохе находишься.

— А в науку вернуться не собираетесь? Или преподавать?

— В науку уже поздно. А преподавать подумывал. Хотя тут есть проблемы. У меня был опыт преподавания физики в технологическом институте, когда я ещё учился в аспирантуре. Но преподавание как идея, то, о чём ты помнишь со времён лекций на физфаке, которые читали легенды красноярской физики, и то, что ты видишь внутри, эти конструкты, называемые системой образования, — настолько разные вещи, что для занятий преподаванием добровольно нужно иметь очень сильную мотивацию.

— И бюрократической работы там много.

— Сама по себе она не зло. Там, где нет бюрократии, возникает хаос, она единственное от него спасение, и никто ничего другого пока не придумал. Только бюрократия должна быть построена в нужном направлении.

С образованием же нашим никто не знает, кого, зачем и чему учить. Спросите любого ректора, он вам не ответит. Но, опять же, это проблема не Красноярска или России, а всего мира.

— А вам вашего образования хватило?

— Нет, конечно. Нас учили системному мышлению и умению самообразовываться, то есть быстро находить нужную информацию и работать с ней. Потренировавшись так на статистической физике, можно почти то же самое делать и в любой другой специальности. Сейчас свобода самообразования максимальная — есть большой Интернет, можно научиться всему.

— Чему вы учитесь сейчас?

— Я много учился в первые 10 лет после окончания университета. Сейчас просто читаю: книги, статьи. Давно, ещё студентом, разговаривал с отцом, спросил у него, какую книгу мне прочитать, чтобы решить одну сложную задачу. Он посмотрел на меня и сказал: я тоже в молодости долго искал книгу, в которой умные люди описали бы мне, как всё устроено, а потом понял, что такой книги нет и быть не может. Так что тебя спасут арифметика и собственные знания — либо ничего. Те мифические «люди-которые-всё-объяснят», они по большому счёту такие же, как и ты.

У меня сейчас есть теоретические знания и представления о нашей проблеме в других местах, собственный опыт, старый и текущий. Мы как коллектив всё это увязываем. И тут коллективное образование существует не в смысле «как найти правильное решение», а в смысле «правильное решение надо придумать». Есть чёткое понимание того, что нигде в далёком Интернете нет такого дяди, который расскажет, как правильно. Под наши задачи готового ничего нет, в конце концов всё надо придумывать самим.

— Есть ли у вас мечты, которые не сбылись пока?

— Мечта сказочно обогатиться, например. Любой человек, который занимается бизнесом, думает об этом. Хотя прикладные разработки — не тот способ, которым можно сколотить состояние…

Как и у многих программистов, есть мечта написать «универсальный конструктор всего», который похоронит программирование как область деятельности. Конечно, она тоже не сбылась. Но мы над этим работаем.

— У вас есть семья?

— Да, жена и двое детей.

— Хотят ли дети заниматься тем же, чем вы?

— Не спрашивал пока. Но вряд ли буду содействовать тому, чтобы они занимались тем же. Это достаточно специфическая область деятельности, которая занимает уйму времени. Для любого IT-специалиста редко реализуется вариант, когда приходишь домой и забываешь о работе. Это работа с серьёзным вовлечением, заниматься чем-то параллельно почти невозможно. И от чего-то приходится отказываться.

— От чего, например?

— Ну, я бы посвящал больше времени спорту и альпинизму. Семье. Тем же играм компьютерным, это такая большая часть реальности, очень недооценённая.

— В горы ходите без семьи?

— С женой, она у меня альпинистка. А дети пока маленькие, остаются с бабушками.

— Про свои увлечения готовы всем рассказывать — или это остаётся вашим внутренним переживанием?

— Я вообще интроверт и социопат — для IT-специалиста это как критерий профпригодности. Мы в компании с этим боремся, развиваем коммуникативные техники. Вот, например, у продажников противоположная проблема — чтобы все замолчали и поработали. А программистов сложно побудить к общению между собой.

— С компьютерами вам проще общаться?

— Конечно. Но прикладные разработки — вещь, очень сильно завязанная на общение с людьми, политические вопросы. Теперь общение меня не напрягает. И работа для меня — не как необходимость потратить время на зарабатывание денег, чтобы потом жить настоящей жизнью. У меня работа настоящая жизнь и есть.

— А директор вы хороший? Есть у вас какие-то секреты, правила, принципы управления?

— Ну, раз не уволили пока, и народ не разбегается, значит, нормальный. Принципы управления в такой компании, как наша, отличаются от стандартных. При формировании команды ставка делается на мотивированных людей, которым должно быть интересно их занятие, которые стремятся к самореализации, а компания помогает им достичь задуманного. Программисту, у которого мотивация пропала, надо заниматься чем-то другим. В этой специальности есть куда уйти — на каждом производстве имеется должность начальника отдела автоматизации, и разработчика с опытом возьмут сразу.

Так вот, из того, что ты работаешь с мотивированными сотрудниками, на которых отрицательные стимулы вообще не действуют, а положительные очень непросто придумать, и возникает специфика управления. Мы пытаемся использовать не столько административно-командное воздействие, но работаем в рамках модных нынче «гибких» методик, предполагающих ставку на самоорганизацию команды, ориентацию на общий результат и так далее.

— Встречаются ли проблемы, которые кажутся неразрешимыми?

— Бывает. Можно написать любую программу, придумать самую хорошую идею, но если организация-заказчик не готова к изменениям, проблемы будут. Часто проблемы возникают из-за несовершенства нормативной базы. Конечно, всё разрешимо, но процесс идёт долго и тяжело.

— Не хотелось всё бросить и заняться чем-то другим?

— Пару раз бросал. Уходил в министерство экономики: работал на государственной службе. Научился там писать на канцелярском языке приказы и распоряжения. Кстати, учиться этому языку стоит, потому что за многими его нормами есть вполне разумные основания.

Затем я пошёл работать в Красноярскстат. Предполагалось, что не буду заниматься там программированием, но кончилось всё тем, что мы с сотрудниками нашего сектора написали систему автоматизации базового технологического процесса, и это решение там до сих пор работает. После чего я понял: надо смириться с судьбой и заниматься программированием дальше.

— Почему всё-таки ушли из чиновников?

— Это оказалось не совсем моё. Мне хотелось менять окружающий мир гораздо интенсивнее, чем это можно делать на госслужбе. Бизнес, которым занимаюсь сейчас, вполне удовлетворяет мои желания. Да, весь мир мы корёжить не можем, но какие-то куски в меру собственного воображения — вполне.

— Расскажите об альпинизме. Он помогает вам в работе?

— Помогает только в том смысле, что физические нагрузки полезны для умственной деятельности. В течение года тренируюсь, поддерживаю форму на скалодроме, хожу на Столбы.

Вообще альпинизмом в душЕ занимаются. Можно даже в горы не ездить. Если серьёзно, то был в Ала-Арче, Туве, Ергаках.

— Почему именно альпинизм?

— Есть гипотеза, что в основе этого хобби лежат редкие психические отклонения. Шутка. Я пришёл к альпинизму из туризма. В начале 2000-х купил велосипед, и у нас образовалась тусовка — ездили на покатушки, которые становились всё длиннее и плавно переросли в велотуризм. Потом я понял, что можно ходить в походы и без велосипеда, можно ходить на лыжах. Затем были дальние Саяны, поход на пик Грандиозный и на Кинзелюкский водопад. Посмотрел горы, поговорил с друзьями-альпинистами, которых всегда было много. И выяснилось, что альпинизм даже веселее — идти до горы меньше, а ощущений больше. Занимаюсь им два года.

— Поставили какие-нибудь личные рекорды?

— Нет. Это же не бег или прыжки. Тем, кто занимается альпинизмом, просто нравится ходить в горы. Постепенно нарабатывая опыт, навыки, ходишь на более интересные маршруты. Для меня на самом деле это не спорт, а возможность походить с друзьями по горам.

— Вид отдыха такой?

— Да. Когда все нормальные люди едут в Таиланд греться на солнце, некоторые отправляются в Ала-Арчу и мёрзнут на чётырёх тысячах.

(Окончание на стр. 19)

Что есть успех

Нобелевская премия или дерево, которое сам вырастил?

«Мое любимое детище как продюсера — пожалуй, вот этот материал», — получаю ссылку и тут же её загружаю. Когда человек, у которого три короба удивительных достижений, отмечает одно из них как самое-самое, это должно быть любопытно. И вот на экране — «Марс за семь дней», интерактивное путешествие в историю. Упаковано, как если бы изучение этой планеты длилось не много веков, а неделю: «В пятнадцать минут десятого среды за Красную планету берётся Уильям ГЕРШЕЛЬ — он будет изучать её примерно до 00:34 четверга». Динамично, остроумно и на зависть талантливо. Но откуда взялся ещё и космос у девушки, которая изначально всё-таки экономист по образованию?

Вот это портфолио

В современных резюме принято размещать свои статусы и заслуги, начиная с последних. Если следовать этой логике (а не как привыкли мы: родился в 1988 году…), то представление Ольги ДОБРОВИДОВОЙ нужно начать так.

Первый стипендиат из России по программе Knight Science Journalism at MIT, которая с 1980-х годов отбирает талантливых журналистов со всего мира, пишущих о науке, экологии, медицине и технологиях для повышения квалификации в этих областях. В настоящий момент Ольга находится в США, ходит на научные курсы Гарварда и MIT, ездит в экспедиции, учится работать с фото, аудио, видео и социальными сетями.

В 2014 стала победительницей программы McKinsey & Company Next Generation Women Leaders, поддерживающей молодых женщин-лидеров во всех областях. Из четырёх тысяч заявок были отобраны 110 со всего мира; вот в числе этой сотни лучших женщин Ольга ездила на трёхдневный семинар в Париж.

Вместе с бывшим коллегой по РИА Новости ведёт научный твиттер @riascience — 14,4 тысячи подписчиков.

Два года работает российским корреспондентом британского издания Responding to Climate Change.

С января 2010 года работала корреспондентом в редакции новостей науки и экологии РИА Новости. На момент ликвидации агентства в декабре 2013 года была исполнительным продюсером проекта РИА Наука.

Как специальный корреспондент агентства по теме изменения климата с 2010 года ездила на сессии переговоров ООН, в Мексику, ЮАР, Катар, Польшу, Перу. В сентябре 2013 года руководила специальным разделом на сайте РИА «Глобальное потепление» и имеет диплом за продвижение темы изменения климата в России от Ассоциации журналистов-экологов СЖР.

Владеет английским и французским.

И только вот здесь, в конце списка, будет информация о том, какой вуз она закончила. У Ольги Добровидовой 4 диплома, и все с отличием — магистратура МГУ по «Финансовой экономике» и три факультета СФУ, где кроме экономики она заочно изучала рекламу и получила дополнительную квалификацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Ну и для того чтобы сделать приятное школе — закончила Ольга красноярскую гимназию № 4 (на правом берегу).

Молодёжь — она такая

Никак не могу ответить себе на вопрос — Ольга исключительный пример, уникум, или самый что ни на есть типичный современный молодой специалист (разумеется, в лучшем его воплощении)? Она использует все возможности, которые даёт современный мир, не боится что-то менять и делает очень много. Она мобильна, образованна, открыта общению, полна идей и энтузиазма.

В принципе, каждый может примерить эту мерку на себя — способен ли он двигаться в том же темпе сквозь быстрый поток современной жизни. А если уже поздно соотносить великие дела и планы с собой, подумаешь про собственных детей, студентов или всё молодое поколение. Вот что надо делать, чтобы они могли предъявить что-то аналогичное?

Пытаюсь найти в биографии Ольги момент, с которого обычный ребёнок — правда очень любопытный, активный ребёнок, который прошёл все доступные в радиусе её места жительства кружки и секции (лепка из глины, танцы, шахматы) — вдруг начинает чувствовать вкус побед и преуспевать. Может, переломным событием её жизни стало 1-е место на городской олимпиаде по английскому в восьмом классе?

Языком Ольга занималась без фанатизма, но получив в качестве приза месячную поездку в Австралию, поняла, что знать язык, оказывается, здорово: весь мир открывается. Правда, вряд ли это Австралия повлияла на то, что в старших классах Ольга редактирует школьную газету, увлекается флэш-анимацией, дополнительно учится в Аэрокосмическом лицее и много — значительно больше, чем её сверстники — читает. Вероятно, она делала бы всё это, и не летая в Южное полушарие.

В университет Ольга поступает на «Ценные бумаги и биржевое дело» — специальность относительно новую и престижную. Параллельно успевает не только получать ещё два образования, как упомянуто выше, а играть в «Что? Где? Когда?», «Брейн-ринг» и «Свою игру», побеждать в предметных олимпиадах и в Потанинском конкурсе, писать одновременно по три доклада на научную конференцию, смотреть кино и ходить в театр, кататься на велосипеде и коньках, прыгать с моста на тарзанке и коллекционировать кружки из мест, где побывала.

Из интервью 2009 года: «Успеваю всё по привычке. На самом деле стоит только понять, как много обычно расходуется впустую или на всякую чушь, и резервы времени становятся очевидными. Такой свое образный самоменеджмент. Планы не очень люблю составлять, но список того, что надо сделать, веду обязательно». Стоит заметить — это говорит студентка!

Но отличных, всё успевающих студентов сейчас встречается немало. Они получают профессию, находят работу и… отправляются в некое плавание, никому неведомое — по крайней мере до той поры, пока какой-нибудь звучный пост или яркий проект не поднимет завесы тайны над их карьерным ростом. Взрослая жизнь бывает и разнообразна, и наполнена очень нужными обществу делами. Но чувства свободы и полёта в ней становится значительно меньше.

Ольга этот шаг — со студенческой скамьи на рынок труда — сделала не сразу. Когда до окончания университета остался год, она вдруг решила, что ей «скучно» доучиваться. Вместо написания диплома специалиста сдала экзамены на бакалавра — и поехала открывать новые горизонты высшего образования. В Москву, в магистратуру. О мотивах и резонах этого шага она потом написала в университетскую газету серию из пяти статей под общим названием «Магистратура: инструкция по применению». Там есть довольно забавные наблюдения и советы.

Но одной московской магистратуры ей скоро тоже стало мало. Пару месяцев для развлечения она ходила в школу научной журналистики при биофаке МГУ, — и ей всё там понравилось, в том числе экскурсия в РИА Новости. В это агентство Ольга Добровидова и пришла устраиваться на работу, а в итоге — задержалась на без малого четыре года.

Анкета с пристрастием

Итак, Ольга сейчас повышает квалификацию в Америке, а мы так и не ответили на вопрос: что нужно воспитывать в личности, где и чему учить, как должны сойтись звёзды и какая открыться дверь, чтобы наши молодые люди были так же успешны, универсальны и счастливы в выборе своего пути. Придётся обратиться к самой Ольге, причём на этот раз логика повествования будет привычной: с самого детства и шаг за шагом.

— Какое влияние и в чём оказали на тебя родители, бабушки, дедушки, тёти, может быть?…

— Я сейчас, глядя на своё детство, вижу модель всей своей жизни в миниатюре — везде книги, кругом много людей, которым я почему-то очень интересна, всегда можно попросить помощи. И весело! Это, мне кажется, приятная для взрослого человека интерпретация детства. Потом, у меня миллион привычек «унаследованных», вроде органической неспособности выбросить книгу. Не только хороших, конечно.

— Всегда ли тебе было интересно со сверстниками?

— В том смысле, который обычно вкладывают в этот вопрос — разделяла ли я те интересы, которые считаются «типичными» для конкретного возраста у детей и подростков, и не доставляло ли мне это неприятности (потому что ответ как бы подразумевается, давайте честными будем) — видимо, не всегда. Но делать тут многозначительное лицо я бы не стала, это примерно настолько же важно, как если бы вы выяснили, что кроме вас в самолёте Москва-Красноярск никто не коллекционирует монеты.

Я помню, как нам однажды на уроке русского языка в школе объясняли тонкую разницу между «сверстниками» и «ровесниками»: вроде как первые — это те, кто как бы идёт с тобой по тому же жизненному пути, а вторые — те, кому просто примерно столько же лет, как одноклассникам в школе. Эти множества пересекаются, но не равны. Так вот, сейчас мне со сверстниками очень, очень интересно.

— Было ли что-то рубежное, переломное, после чего ты стала перфекционисткой (ведь ты перфекционистка?)? И что для тебя успех, успешный человек?

— Мне кажется, перфекционизм к людям подкрадывается незаметно, постепенно. Однажды ребёнок замечает, что некоторые взрослые каким-то очень странным тоном говорят, что тройка и двойка — это тоже оценки, которые вообще не важны, главное не победа, а участие, и так далее. Они как бы фигу в кармане держат при этом. К тому же про все эти полезные истины всегда вспоминают, когда не получаешь пятёрку и не выигрываешь. Почему-то победителям никто не рассказывает, что их победа — это не главное. Что-то тут нечисто.

Так случается первое знакомство с соревновательной культурой, культурой успешности, которая везде, во всех знакомых мне обществах очень сильна. Часто бывает, что к тому возрасту, когда человек способен

критически отнестись к этой культуре, перфекционизм уже основательно окопался.

И тогда наступает день, когда результат в 98 из 100 баллов тебя на физиологическом уровне раздражает, хотя умом ты понимаешь, что это мелкий жемчуг, и вообще счастья в баллах нет и никогда не было. Адреналин и эндорфины — есть, а счастья нет. Но вся эта культура — строго виртуальная конструкция, существующая только в головах людей, которые устроили из жизни какую-то странную помесь супермарафона и конкурса красоты, где на финише вручают призы в номинациях вроде «Самый богатый на кладбище».

Для меня борьба с перфекционизмом — постоянно себе напоминать, что вообще-то всё это такая очень странная, пусть и затягивающая, игра. Это крайне трудно делать, если ты в неё играешь.

Успех — если мы в сферическом вакууме определяем это слово — это превращение желаний в цели и их достижение. Нобелевская премия — это успех, если ты очень хотела понять, как ДНК устроена. Но и дерево, которое ты самолично вырастила, — тоже успех. Если мысль про дерево заставляет ухмыльнуться, то мы говорим про успех в рамках культуры успешности, а здесь критерии довольно традиционные и поэтому не особенно интересны мне.

— Ты много читала — а что? Всё подряд или всё-таки модные новинки, классика, фэнтези?.. Есть ли у тебя литературный «провал» (допустим, поэзия Серебряного века прошла мимо тебя)?

— Я читала и читаю всё подряд, кроме детективов и любовных романов, к историческим ещё прохладно отношусь. Соответственно, большая часть книг в этих жанрах действительно прошла мимо меня. Я очень люблю фантастику, литературу XX века в целом, общественно-политический, экономический и научный нон-фикшн.

Сейчас читаю книгу о том, как вышло, что рабочий класс в некоторых штатах США упорней всех агитирует и голосует за республиканцев, вообще-то «партию одного процента».

Одно из самых ярких книжных впечатлений — окончание «Сирен Титана» Курта ВОННЕГУТА. Обойдёмся без спойлеров, скажу только, что даже спустя 10 с лишним лет прекрасно помню, где и как я этот фрагмент прочитала (дома, солнечным днём, сидя на холодной кухонной табуретке). Из относительно недавнего — Норман МЕЙЛЕР «Нагие и мёртвые», тоже книга, которую забыть труднее, чем хотелось бы. И «Бессмертная жизнь Генриетты Лакс», которую надо, по-моему, прочитать всем, кто хоть раз в жизни сдавал кровь на анализ.

— Вуз отличается от школы? Или по большому счёту это лишь продолжение ученичества в другом возрасте? Что принципиально нового дал тебе университет?

— Я всегда считала, что школа — на самом деле про умения вставать по будильнику, выживать в случайной группе посторонних друг другу людей и иногда отвечать на вопросы так, как от тебя того ждут, а не как хочется, все эти крайне полезные во взрослой жизни навыки. Знания — это так, сопутствующая выгода, которой не все пользуются.

Так вот, хороший университет — это про то, что внезапно всё это — не необходимые и не достаточные навыки. Что бывают другие игры по другим правилам. Но для этого всегда надо свой вагон от поезда как-то отцепить, как-то съехать на нём с проложенных «по умолчанию» рельсов и (как нетрудно предположить, сам по себе вагон в этой метафоре никуда не поедет) придумать, как двигаться дальше. Или не двигаться, кстати.

Мне лично университеты дали несколько десятков удивительных знакомых и друзей и, пожалуй, совершенно новый уровень умения расставлять приоритеты в хаотических ситуациях типа «нужно всё и вчера». И, конечно, вот это моё суждение выше — тоже родом из университета.

— А нужно ли человеку в наше время обязательно закончить вуз, чтобы реализоваться?

— У меня столько вопросов к этому вопросу, что я даже и не знаю. А нужно ли человеку в наше время обязательно реализоваться? А что такое «закончить вуз»? И «реализоваться»? А заканчивает вуз и нуждается в этом точно один и тот же человек? Но, в общем, — нет, совершенно не обязательно.

— У тебя четыре разных образования — экономика, реклама, перевод (с английского и на английский), журналистика… А если бы ты выбирала сейчас — предпочла бы что-то совсем другое (биология, медицина, астрономия)?

— Если бы я выбирала сейчас, я бы совершенно точно выбрала что-то другое, просто потому что я сегодня и я восемь, шесть, пять лет назад — это совсем не одно и то же лицо. Я бы очень расстроилась, если бы выяснилось, что ничего за это время во мне не поменялось. Но я сослагательное наклонение не очень люблю, честно говоря, ну его. Хочу ли я поступить в MIT на программу Mechanical Engineering? Жуть как хочу, но умом не вышла, похоже. Так что придётся другие занятия себе искать.

— Для тебя осваивать новое — это узнавать или применять?

— Нравится мне и то и другое, но узнаю я гораздо больше, чем потом применяю. Как, наверное, всякий игрок в спортивное «Что? Где? Когда?», я нежно люблю бесполезную информацию. Ничто так не радует — легко, искренне и безо всякой взрослой червоточинки, — как знание того факта, что в Российской Федерации не менее 11 тысяч видов грибов.

— Мир и жизнь — не такие, каким нас учат в школе?

— Очень даже такие, но это не приговор.

— Чем принципиально отличается обучение в московской магистратуре от красноярского специалитета?

— Тем, что после московской магистратуры приходится потом полжизни на такие вопросы отвечать.

Если серьёзнее, принципиально — географическими координатами, названием и количеством студентов. Знаю, что это бесполезный ответ, но никаких волшебных палочек вместе со студенческим билетом МГУ не выдают, как, впрочем, и с пропуском сотрудника MIT.

Набор доступных ресурсов может быть разный, но сегодня это довольно сомнительный аргумент. Khan Academy, Coursera и MIT OpenCourseWare, «Теории и практики», Google Scholar и T–D — доступны отовсюду, где есть Интернет. Да, долгое время заведующим нашей кафедрой был на тот момент глава Центробанка, а ныне министр экономического развития РФ Алексей УЛЮКАЕВ. Поверьте, OCW и «Теории и практики» в жизни полезнее.

Вот вузы в России от вузов в других местах, где я была, в частности здесь, в Штатах, отличаются всем, разве что еда в столовых и там, и там «не очень» бывает. Но это отдельный и очень длинный разговор.

— Расскажи про работу в РИА Новости с точки зрения: самый необычный человек, с которым ты благодаря этой работе познакомилась; самое удивительное (экзотическое) место, где побывала; самый удивительный проект, в котором участвовала.

— Я однажды перед 12 апреля участвовала в телефонной пресс-конференции с экипажем Международной космической станции. Когда до меня дошла очередь, я им задала довольно дежурный вопрос, и командир экипажа, прежде чем ответить, мне сказал: «Добро пожаловать на МКС, Ольга!». Для меня в этой истории наглядно выражена вся суть новостной журналистики: она приведёт тебя куда угодно, в какие угодно ситуации, и все твои «самые-самые» рекорды хорошо если до следующего месяца продержатся.

Но пока ничто ещё не перекрыло прогулки по дну Аризонского кратера, куда вообще-то никого не пускают, кроме десятка учёных.

— Скажи, а близкие за тебя никогда не боялись? Ты уехала в Москву в возрасте чуть за 20 — тебе совсем не грозила перспектива попасть в «плохую компанию», связать свою жизнь «не с тем человеком», взять на себя невыполнимые обязательства?

— Мама мне часто в шутку жалуется, что на работе её все считают ненормальной, потому что она дочку отпустила в 14 лет одну в Австралию на месяц, и с тех пор всё явно пошло по наклонной — теперь вот дочка в 12 часовых поясах. Близкие же, по-моему, давно уже убеждены, что я — материальное воплощение русской поговорки «есть голова на плечах». Я соглашаюсь и подмигиваю.

— Что с личной жизнью? Девчонкой ты мечтала о принце?

— Девчонкой я мечтала, чтобы все вокруг отстали уже наконец со своими принцами и конями и дали человеческие отношения построить. Потом я выросла и узнала печальную истину: если уж повезло родиться женщиной, не отстанут никогда. Может, внучкам моим больше повезёт, как оптимистка я в это верю.

— Ты ощущаешь себя взрослым состоявшимся человеком — профессионалом, который всё сумеет, нигде не пропадёт? Или ты ещё в свободном полёте и неизвестно, где приземлишься?

— Я ощущаю себя взрослым человеком, который всё сумеет и не пропадёт в свободном полёте неизвестно куда. То есть почти всё в этом вопросе, кроме слова «состоявшийся». «Состоявшееся мероприятие» по определению уже закончилось, и тогда «состоявшийся человек» тоже весь закончился уже… Это слово вызывает у меня неприятные ассоциации.

— Какой бы ты хотела видеть свою жизнь лет через пять?

— Если я буду загадывать и предполагать, потом будет обидно, если прогноз не оправдается, и неинтересно, если оправдается. А я всегда хочу, чтобы было интересно.

— Ты по-прежнему собираешь чай, кофе и кружки из разных мест мира?

— Старая коллекция кружек так дома в Красноярске и хранится, но пополняю я её очень редко. Перешла на более традиционные и простые в перевозке магнитики и почтовые открытки, которые шлю домой отовсюду, где в принципе есть почта — теперь географию моих путешествий на малой родине отслеживают по почтовым штампам.

Мария СЕРГЕЕВА

Гуманитарий широкого профиля

В 1987 г. два Юрия, журналист ЩЕКОЧИХИН и правозащитник САМОДУРОВ, бросили в «Литературной газете» клич собрать подписи по всему СССР, чтобы установить памятник жертвам политрепрессий. Заметка стала катализатором к появлению «Мемориала» и изменила судьбы тысяч людей в СССР. Одним из них был и Алексей БАБИЙ, тогда старший научный сотрудник и бизнесмен, а сегодня — председатель Красноярского общества «Мемориал» и член правления международного общества «Мемориал».

— Алексей, у вас были любимая работа, бизнес, первые успешные литературные опыты. Зачем понадобилась ещё и история политических репрессий?

— Меня к этому подтолкнул основатель красноярского «Мемориала» Володя БИРГЕР. Мы познакомились в литературной студии «Дебют» у Эдуарда Ивановича РУСАКОВА. Я там занимался, а Володя пришёл собирать подписи для установки памятника. Отец его сидел в Норильлаге.

— Вы верили в результативность подписей? Они могли повлиять на принятие значимых решений?

— Они сделали даже больше — познакомили близких по духу людей со всего Красноярска. Сбор подписей нас объединил, мы были готовы действовать дальше, звучали даже крамольные по тем временам предложения — почему бы не выделить репрессированным льготы, как ветеранам Великой Отечественной войны? Но в первую очередь все хотели восстановить судьбы репрессированных людей.

Я к тому моменту что-то знал о своих. Мама о родителях практически ничего не помнила: «вроде папа был дирижёр, помню, как он стоит ко мне спиной и руками с палочкой размахивает перед оркестром, а мама вроде учительница». Их забрали, когда моей маме ещё и шести лет не было. В оттепель она писала запросы, получила справку, что они умерли в лагере. И я начал искать. Посмотреть их дела я тогда не мог, доступ к ним ещё не открыли, но выяснил, что дед работал в Радиокомитете, а бабушка преподавала в Доме детского творчества.

— А не рискованно было искать информацию о репрессированных родственниках? Всё-таки враги народа.

— Тогда уже нет, мне даже перед поступлением на матфак в 1971 году советовали указать в анкете, что дедушка с бабушкой репрессированы, поскольку это могло дать какое-то преимущество.

Но я разматывал не столько репрессивную историю семьи, сколько гражданскую. Оказалось, у нас учительская династия, которая закончилась на мне. Прадед и прабабушка преподавали на КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога). Из Екатеринослава (нынешний Днепропетровск) их пригласили в Харбин, где было много русских. В 1928 г., когда из Китая началась высылка советских служащих КВЖД, нужно было решать, что делать дальше. Они серьёзно ссорились, потому что прадед рвался на родину, в Россию, а прабабка считала, что надо ехать в Америку. В конечном счёте прабабка с одной дочкой уехала в США, а прадед с другой — моей бабушкой — в СССР. Прабабка открыла гимназию и процветала, а прадед в 1937 году, когда всех сотрудников КВЖД обвинили в шпионаже в пользу Японии, сел, и до сих пор я не могу выяснить, как и где он погиб. А его дочь, мою бабушку, вместе с дедушкой расстреляли, это я выяснил уже после того, как открыли архивы КГБ.

Мы понимали, что кроме памятника нужно заниматься восстановлением судеб людей. Так и первое название родилось — «Судьбы людей» («Мемориалом» мы стали чуть позже, когда образовалось всероссийское общество). Первым делом начали картотеку. На перфокартах. Мы даже не представляли, с каким объёмом информации придётся столкнуться. Первые десять карточек заполнили у Владимира СИРОТИНИНА, который возглавил наше общество. Сегодня картотека дошла до 130 тысяч человек — это люди, связанные репрессиями с Красноярским краем. На самом деле их более миллиона.

«Красноярский комсомолец» выделил нам помещение для приёма людей. Их шло много, большая часть искала пропавших родственников, хотела узнать об их судьбах, другие делились своими материалами — фотографиями, документами. Так формировался наш фонд. Потом Биргер придумал проводить опросы. Когда появлялся человек с интересной судьбой, мы его расспрашивали обо всём, о мельчайших деталях быта. Тогда ещё были живы люди, которые пережили репрессии и ссылки, тюрьмы и могли об этом рассказать.

— Не боялись рассказывать?

— Всегда были такие, кто не хотел вспоминать об этом периоде — слишком тяжело. Но 90-е годы в этом смысле были счастливым периодом. Представьте, что вас однажды ни за что объявили врагом народа, вы всю жизнь несли на себе это клеймо, и вдруг вас оправдали. Именно в 1991 г. был принят закон о реабилитации. У реабилитированных появились какие-никакие льготы (в этом Красноярск стал одним из первых городов в России). Их стали приглашать на мероприятия вместе с ветеранами войны, проявлять человеческое внимание. Они впервые ощутили себя полноценными гражданами.

Вообще в Красноярске к этой теме лучше относятся. ХЛОПОНИН принял решение о финансировании издания «Книги Памяти». Это списки репрессированных с короткой биографической справкой о каждом. Вышло уже 11 томов.

— Для чего это нужно?

— Многих уничтожали не только физически, но пытались стереть любое упоминание о человеке, будто его никогда и не было буквально: публикации вырывали из сборников, людей убирали с фотографий. В семейных фотоальбомах, кстати, та же история: люди часто боялись хранить фотографии репрессированных близких.

Вторая же причина практическая — чтобы уничтожить спекуляции о количестве репрессированных. Единственный способ их сосчитать — переписать пофамильно. Могу сказать, что как минимум 50 000 человек было арестовано в нашем крае с 1920 года. Они все перечислены пофамильно в наших книгах памяти.

Или другая цифра: после выхода закона о реабилитации наше ГУВД по Красноярскому краю начало реабилитацию административно репрессированных — раскулаченных, депортированных немцев и калмыков, бывших военнопленных и т.д. За 20 лет работы они реабилитировали более 540 000 человек. И эти цифры взяты не с потолка, а по реальным запросам. За каждой справкой — конкретные фамилия, имя и отчество. Но многие не обратились до сих пор. Я накладывал списки раскулаченных на списки реабилитированных в районе, так оправдана лишь каждая десятая, в некоторых районах пятая семья.

— Какой была самая распространённая причина репрессий?

— Репрессии были направлены в основном против крестьянства. Раскулачивание — это до сих пор terra incognita и для исследователей, и тем более для обывателей. Мы не можем найти историка, который написал бы вводную статью для «Книги Памяти» о раскулаченных.

— Кто считался кулаком?

— Человек, который использовал наёмный труд. Или если у него было хоть какое-то производство, начиная с сепаратора, мельницы, веялки. В архивных документах часто встречается формулировка «За использование сельхозмашин». Сам факт наличия мельницы или маслобойни говорил о подозрительном уровне доходов.

У нас принято было говорить: раскулачивание началось из-за того, что сельская беднота поднялась против тех, кто зажиточнее. А как на самом деле реагировала беднота? Она писала письма: «Мы, крестьяне такого-то села, считаем, что Н. выслали (лишили прав) неправильно, потому что…» и самые разные объяснения. Например, нанимал батрачку, чтобы присмотреть за ребёнком, потому что жена рожала или болела. Дальше — просьба вернуть высланного обратно в село на поруки. Письмо небольшое, а весь остальной лист формата А4 с двух сторон — подписи, несколько сот, обычно всё село подписывалось.

— В то время подписаться под таким письмом было поступком…

— Да, на порядок более серьёзным, чем сегодняшнее «диванное мужество». Хотя в конце 20-х прошлого века ничто не предвещало зверств 1937-го, и крестьяне чувствовали себя защищёнными и относительно независимыми. Они жили миром — то есть общиной, которая была сильной и принимала все важные решения.

— Какой была реакция на эти письма?

— Да никакой. Я просмотрел 6000 дел и знаю лишь один случай, когда на заседании райисполкома рассмотрели обращение крестьян и официально отменили человеку высылку. В остальных случаях письма оседали в сельсоветах, людей высылали.

— А куда можно ссылать из Сибири?

— На север. Но поскольку денег на пересылки выделили немного, часто просто перегоняли в соседний район: из Абанского в Богучанский, из Богучанского в Эвенкию или в Шиткино будущей Иркутской области. В основном туда, где намечалось строительство, производство. Но дело ведь не только в том, что людей срывали с места. Их же полностью лишали имущества, веками устоявшегося уклада жизни. Они привыкли сами себя обеспечивать, а тут должны выполнять работу по чьему-то указанию.

Уж не говорю об условиях жизни. Людей часто забрасывали в дикие места, где не было даже жилья. Пока выкапывали землянки или строили бараки, младшие дети и старики, как правило, умирали.

А тут ещё контраст разительный: в НЭП крестьянам наконец-то дали землю и оставили в покое. Они поднялись, набрались сил, с 1920 по 1930 гг. многие бедные семьи отстроили хозяйства, обзавелись техникой. И из этой ситуации людей бросали в другую — когда и еды нет, и от холода нечем прикрыться, и работа подневольная…

— Вы этой темой занимаетесь 26 лет, целую жизнь. Что вами движет?

— Долгое время «Мемориал» не был моим основным занятием. Одновременно я занимался бизнесом, разрабатывал методики обучения людей работе с компьютером, потом появился Интернет, которому я по дури отдал почти четыре года.

— Почему по дури? Это же интересно.

— Сегодня я изменил к этому отношение. В 1998 г. мы считали, что это какая-то революционная вещь, буквально электронный фронтир, территория свободы. Людей, общавшихся в этом узком тогда пространстве, было немного, все они были личностями. К 2000 году в Интернет хлынула… скажем, разная публика. И всё там загадила. С одной стороны, проекты начали окупаться, те же интернет-магазины; с другой — от Интернета пришлось обороняться.

У Интернета есть свойства, к сожалению, уродующие личность: та же анонимность, отстранённость или эффект артиллериста, когда живых людей воспринимаешь как абстрактных персонажей. И поверхностное, воробьиное восприятие. То есть человек, воспитанный Интернетом, — это существо, которое не умеет глубоко воспринимать, анализировать и т.д.

— Вы считаете, что Интернет развращает? Разве это не свойства конкретных людей, которые бы и без Интернета не могли глубоко мыслить.

— Нет. Интернет действительно развращает. По себе сужу: как только начал активно пользоваться Интернетом, перестал читать книги. И хорошо бы просто перешёл на электронные — так нет. Изменилось восприятие текста. Любимой книгой долгое время была «Игра в бисер» ГЕССЕ, как-то решил перечитать и… не смог. Мозги свернулись определённым образом. Для Интернета и пишут иначе — коротко, структурированно. Всё идёт по пути упрощения.

Всё это время в деятельности «Мемориала» я участвовал больше финансово, помогал ресурсами, отвечал за создание и поддержку сайта, который до сих пор в нашей работе играет важную роль. А ребята пахали в архивах, проводили опросы, готовили выставки… Сделали очень много. Володя Биргер умер двенадцать лет назад, но я до сих пор разбираю его архив. Вова помог тысячам людей: писал запросы, общался с судами. Эталонный был человек.

Когда умер Биргер и заболел Сиротинин, а я разочаровался в Интернете, то смог на сто процентов отдаться работе в «Мемориале». Как раз в это время мы получили от администра-

ции края решение об издании «Книги Памяти», и с того момента ежегодно готовим том в 500 страниц. Экземпляры книги есть во всех библиотеках, и, конечно, всю информацию мы дублируем на наш сайт. Часть тиража высылаем родственникам репрессированных.

— За годы работы в архивах перед вами столько искалеченных судеб прошло, столько несправедливости. Как удалось не изорвать сердце?

— Тут от характера зависит. Биргер был совершенно флегматичным человеком, внешне не проявлял эмоций, но внутри всё через себя пропускал, возможно, потому и умер от инфаркта нестарым ещё человеком. А Сиротинин — холерик и переживал страшно. Жена его рассказывала, как он иногда среди ночи вскакивал с кровати, бегал по квартире, рассказывал ей, не в силах держать в себе, ужасные подробности дел.

Я же изо всей команды самый прагматичный и могу отстраниться. Множество необыкновенных сюжетов, уникальных документов… Надеюсь, когда закончится наша эпопея с «Книгой Памяти», я напишу что-то публицистическое о том, что узнал.

Например, согласно существовавшей тогда инструкции, высылаемые родители могли отдавать своих детей на попечение родственников или даже просто знакомых. И это действие скреплялось актом приёма-передачи: «Я, такая-то, передаю своего ребёнка… Я, такая-то, принимаю такого-то, обязуюсь до совершеннолетия его кормить и воспитывать…». Работая в архиве Агинского района, наткнулся на целую папку таких актов, написанных на огрызках бумаги. И когда их перед собой разложил, мороз продрал по коже. Перед глазами встали эти матери, отдававшие своих детей. И такой сводный хор ужаса шёл от этих листков…

Или истории конкретных людей. Раскулачили бездетную пару за то, что у них работает батрак. Их выслали, а батрак начал писать в райисполком одно письмо за другим, мол, я им вовсе и не батрак, а как сын: пригрели, к совершеннолетию обещали хозяйство отделить. Два года писал. А потом получил официальный ответ: раз настаиваешь, что ты их сын, значит, являешься членом семьи раскулаченных, то есть к тебе нужно применить те же меры. И выслали.

— Работа с такими историями заставляет иначе смотреть на жизнь…

— Да, какие-то механизмы начинаешь понимать. Но в целом трезвый взгляд на жизнь мне дало образование. Настоящий математик ведь никому не верит на слово. Математик — это другое мышление, иной способ восприятия действительности и обработки информации.

Я учился математике пять лет, а стал им за один день. Сдавал зачёт по теории множеств, начал ответ «Возьмём инфинум (самое маленькое значение) множества…». Преподаватель перебивает: «А что, у каждого множества есть инфинум? Докажите». Часа два слонялся, доказал, продолжаю: «А теперь возьмём инфинум множества…». Преподаватель снова перебивает: «Который из инфинумов вы берёте? Докажите, что он там один». Снова мучился, но доказал. И вновь начало моего ответа преподаватель прерывает: «А вы уверены, что вы его сможете взять?». Я думал до вечера. Уже темно, все разошлись. Сдался:

— Не могу доказать.

— Правильно. Это проблема континуума, её уже несколько веков не могут решить.

— Так зачем же вы мне её дали?

— А вдруг бы у вас получилось.

У меня в тот момент что-то повернулось внутри. С тех пор ничего не могу принимать на веру, любая информация подвергается сомнению. Кстати, среди диссидентов было непропорционально большое количество математиков.

— Вы считаете, диссидентство — это эффективно?

— Смотря что понимать под диссидентством. Есть люди, которые всегда поперёк. Я не отвергаю всё, что делает наше государство. Но у меня есть своё мнение, и я от него не откажусь, невзирая на обстоятельства и последствия.

Например, я к Богу обратился в конце 1970-х. И когда в компании коллег высказывался на эту тему, на меня смотрели косо, среди атеистов я был диссидентом. Тем более что мои представления о Боге были своеобразными — не православие, а, скорее, толстовство.

Позже вера стала модной, многие сослуживцы приняли крещение, ходят к службам. А я снова в диссидентах — в церковь не хожу, посты не соблюдаю. Но я-то не изменился за это время.

Для меня 1990-е были невероятно интересным временем, открылось множество возможностей. Мы затевали сумасшедшие проекты, и они получались. Или не получались. Но это было время творчества. И зарабатывали мы тогда невероятные для нас деньги. Экспедицию в Нордвик, а это далеко на север, за Хатангу, десятерым исследователям профинансировали легко. Деньги — это всегда только инструмент для проектов: гуманитарных, бизнес, любых.

— Почему тогда сегодня бизнесмены, зарабатывающие сопоставимые деньги, неохотно вкладывают в подобные проекты?

— Наголодались в советское время. Однажды наедятся. Не может быть иначе. Вот возьмите самую зловещую фигуру западного бизнеса — Билл ГЕЙТС. Просто исчадие ада ведь, если верить тому, что пишут в Интернете. А отошёл от управления «Майкрософт», занялся гуманитарными проектами. Например, оцифровал все шедевры мирового художественного искусства.

— Кто вам помогает в работе?

— Нас в крае полтора десятка человек. Но большинство уже очень пожилые, хотя некоторые из них работают — например, Светлана Борисовна СИРОТИНИНА, «вытащившая» на себе десять томов книги памяти. Хорошо работают люди в районах — например, в Енисейском, Бирилюсском. Но сейчас над книгой памяти работаю один: новых энтузиастов не появилось. Да, время отыграло в сторону прагматизма.

— Как вы себя сегодня определяете?

— В смысле?

— Предположим, оказались вы в чужой стране, как представитесь?

— А! Гуманитарий широкого профиля. Хоть и математик по образованию.

У меня, кстати, серьёзные муки выбора были после школы, куда поступать: на журналистику или… астрофизику. Математика посредине оказалась. После окончания КрасГУ какое-то время я был технократом, занимался математической социологией, уверен был, что в человеке человеческого-то не так много.

Но благодаря Льву ТОЛСТОМУ и работе Д. ВЕЙЦЕНБАУМА «Возможности вычислительных машин и человеческий разум» стал гуманитарием. Когда же появился Интернет, для большинства это был просто ещё один способ передачи данных: был один протокол, стал другой — скучно. Но разобравшись, я вдруг понял, какая это мощная штука, как она может изменить жизнь обычного человека, общественную жизнь, какой это инструмент для творчества. В Красноярске на тот момент немного было людей, кто это понимал. Я понимал, поскольку был больше гуманитарием, чем технарём. Смешно сказать — будучи руководителем успешной веблаборатории, я наизусть знал только десять тегов. Но не теги главное. Жизнь интересна, когда в ней есть творческая составляющая. Когда ты сам можешь сделать что-то новое.

— Выбор между журналистикой и астрофизикой не слишком странный для деревенского мальчишки?

— Я вырос в учительской среде. Много читал с детства. Лет с четырёх писал письма маме, когда отправляли меня в гости к бабушке с дедушкой. А когда пошёл в первый класс, ГАГАРИН полетел в космос, потом ТИТОВ. Куча книг издавалась о космосе, научная фантастика. Я болел астрономией, сам сделал телескоп.

Поэтому дилемма как раз осознанная была. И хорошо, что выбрал математику. Особенно посмотрев, как живут и работают журналисты, не жалею ничуть.

— Есть то, о чём жалеете?

— Если не считать каких-то ошибок в личной жизни, то — о скверной своей игре на барабанах. Меня выгнали из студенческого ВИА после одного лишь дня репетиций.

— Как?

— Взяли без прослушивания. Срочно нужен был ударник. Я и вызвался. После первой репетиции мне сказали: «Ну, ты и сам всё понимаешь»… Я положил палочки и ушёл. Мы-то в школе играли «Караван» Эллингтона да «Маленький цветочек». А они Venus Shocking Blue наяривали. Обидно было. Вот всё в жизни получилось. Абсолютно. Кроме этого момента. Недавно купил ударную установку и регулярно репетирую.

— Соседи рады?

— Так установка в офисе стоит. В выходные барабаню. И сейчас уже гораздо лучше, чем в студенчестве. Может, и в группу бы обратно взяли…

Александра КАЗАНЦЕВА
Фото А. КУПЦОВА

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
октябрь 2014 г.

Человек экономический

Когда-то в шутку она назвала себя «Адамом Смитом в юбке». Ведь основоположник экономической теории А. СМИТ не только написал «Богатство народов», но первой его книгой была «Теория нравственных чувств». Так и профессор Галина Ивановна ЗОЛОТУХИНА — своей миссией преподавателя и учёного считала донесение мысли: упадок нравственности влечёт упадок экономики. И не надо искать других причин, почему не эффективно производство, если нет представлений о добре и зле!

— Галина Ивановна, когда вы заинтересовались темой «Экономика и этика»?

— Когда в перестройку этику стали вытеснять. Этика с экономикой была всегда связана, пусть и в статусе отложенной актуальности, но эти вопросы обсуждались. А тут её стали убирать, мол, раз капитализм, рынок, то давайте об этике забудем.

Знаете, Ежи ЛЕЦ замечательно сказал: «Об эпохе больше говорят не те слова, которыми злоупотребляют, а те, которые не употребляют». И вот в перестройку был такой характерный факт: переиздавали книгу дореволюционного автора Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО «Акции и биржевые махинации» (1912 г.). Но в новом издании название стало нейтральным: «Акции и акционерное дело». Главу же «Этика акционерного дела» вообще исключили за ненадобностью. Прав Ежи Лец!

Кстати, Петражицкий сформулировал закон-тенденцию и назвал его «законом оптимальной оценки шансов», где зафиксировал, что все мы, становясь акционерами, преувеличиваем свою возможность получения дивидендов. И даже шире: так случается всегда, когда речь идёт о потенциальном доходе.

Так вот, примерно к 1993 году у меня собрались материалы для курса «Этика хозяйствования». Но курс можно было читать только по решению совета вуза, сверху этого не требовали. Я пришла с программой, с литературой к нашему декану Е.Б. БУХАРОВОЙ. Она говорит: «Ходить не будут». Я: «Но можно же сделать предмет обязательным, хотя бы для управленцев и специальности «экономика и социология труда». А финансисты и бухгалтеры пусть уж ходят по выбору». Первый год, действительно, ажиотажа не было. А на второй год пошли все. Студенты поддержали этот курс. У меня хранятся такие рефераты! Некоторым нашим вундеркинистым студентам — а именно такие учатся всегда на экономе — это оказалось очень нужно.

Мои научные устремления развивались автономно. Этому помогало сложившееся в Красноярском университете научное межфакультетское сообщество. Допустим, я пишу статью «Экономическая терминология на семи ветрах стационарного перехода к рынку». Приношу Н. ШИШАЦКОМУ, редактирующему экономические публикации. Он поперёк пишет: это филология! Но я не останавливаюсь, иду к заведующему кафедрой философии А. РАЙБЕКАСУ. Он смотрит, говорит: это науковедение! — и печатает в своём журнале. Или к заведующей отделением иностранных языков В. РАЗУМОВСКОЙ обращаюсь с темой: «Иноязычные заимствования в экономике». Она: пожалуйста, делайте доклад. То есть взаимоотношения внутри университета выходили за пределы узкого профессионализма.

— Если этика обуславливает экономику, почему тогда во многих традиционных странах, например, исламских, где нравственные нормы очень сильны, экономика не развита? А в Европе, где ценности сейчас размыты, экономика была на высоте. Или это особые ценности, приложимые сугубо к деловой сфере — выполнение договоров, вложения в персонал, минимизация коррупции?

— В западном мире, действительно, более жёсткие требования. Этика не может существовать вне права, и юридические основания — начальные, на них уже базируется этика. Если у нас шаляй-валяй в сделках, то у них хотя бы с этим всё четко.

Что касается магометан… На Востоке говорят, что нет никакого первого, второго и третьего мира, как мы делим. А есть экономика буддистская, протестантская, православная… Многое определяет религия. Мне кажется, есть какая-то тайна, связанная с влиянием религии на развитие экономики. Почему Япония, не имеющая практически никаких ресурсов, стала чуть ли не второй экономикой мира? Японский принцип: мы всё преодолеем. Они не различают удачи и неудачи, самообладание удивительное, и они никогда не сдаются. О магометанах мне говорить трудно, знаю об этой религии до обидного мало.

А в экономике вообще много необъяснимых вещей. Вот у нас, когда все побежали в капитализм, из восьми типов фирм предприниматели избрали преимущественно ООО. Потому что участники не отвечают личным имуществом по обязательствам фирмы. Но отсутствие ответственности перед внешней средой значительно снижает конкурентоспособность предприятия. Следовательно, будущее этой организационно-правовой формы проблематично. То же можно сказать и об акционерных обществах.

Почему в период 1991-1994 гг. никто из предпринимателей (скажем осторожнее — почти никто) не учредил своё предприятие в форме товарищества? Ведь товарищи становились совладельцами имущества на праве общей долевой собственности и не платили налог на прибыль фирмы, так как товарищества в указанный период не являлись юридическими лицами.

А кооперативы? Их демонизировали, ошельмовали, и даже экономисты не поняли — почему так случилось. При мэре В. ПОЗДНЯКОВЕ в Красноярск приехали немцы и спрашивают: а где у вас кооперативы? Их нет. При этом в 1988 году первая частная форма была именно кооператив. Но в 1991 году выходит закон о предприятиях, перечислены все возможные формы, а кооперативов нет. Это вообще абсурдная вещь. Но, видимо, кто-то догадался, что форма кооперативов в наибольшей степени соответствует нашей общинности, и если дать развить кооперацию, то слишком хорошо у нас всё будет… Экономика без кооперативов не может действовать.

— В своих книгах («Хозяйственная этика», 2000; «Избранные главы философии хозяйства», 2007) вы часто приводите в пример Польшу. Поляки в период своей перестройки много внимания уделяли выработке этических норм для руководства предприятий. Чем это объясняется — более развитой демократией, уровнем образования, лучшим «качеством населения»?

— Поляки сказали, что они в области понимания хозяйственной этики станут первыми. И стали. Я была на одной из их конференций по философии хозяйствования. Первыми туда пришли ксёндзы, помолились. Потом — сами философы, потом — экономисты, практики и теоретики. Три разных подобщества занимаются этой проблематикой. В России, помнится, я никак не могла пристроить статью «Хозяйственная этика — опыт России конца 20 века». А вот на польский её перевели и опубликовали. Ура!

— Но почему польские предприниматели учитывают этические рекомендации каких-то священников, учёных? У нас никто никому не указ.

— Во-первых, тут ксёндзы. Вы не представляете, что это такое, какой у них авторитет. Польша ведь монорелигиозная страна, и в начале учебного года, например, вся Польша молится за успех обучения. У них общество отмобилизованнее и политически.

— А в России есть что-нибудь подобное «10 заповедям бизнесменов», которые разработала Торговая палата Польши?

— У нас есть хорошие кодексы для предприятий и некоторые профессиональные требования: как должен вести себя бухгалтер, аудитор и т.д. Но обобщённого нет. Это идёт снизу, от предприятий, общественных организаций, отраслевых и региональных союзов предпринимателей и т. д.

— Если снизу — это обнадеживает…

— Конкуренция к этому вынуждает. Фирмы стремятся выглядеть на рынке прилично. Даже если не хочешь, в условиях конкуренции приходится вести более честную, ответственную и правдивую политику. Вспомните, как многие зарубежные автомобильные концерны признавали обнаруженные у проданных автомобилей досадные, а подчас опасные недостатки конструкции и брались их бесплатно устранить.

— А разве честный бизнесмен выиграет больше, чем тот, кто ни перед чем не остановится?

— Когда-то давно Валерий ЗУБОВ, бывший тогда нашим деканом, привёз из стажировки в Америке книжку «В поисках эффективного управления» ПИТЕРСА и УОТЕРМАНА. Консультанты по управлению в ней обсуждали, что делает предприятие эффективным.

Первым условием там было — вовремя менять образцы продукции. Должны быть люди, которые чётко чувствуют, что сейчас нужно (видите — опять «чувство», из разряда нерационального). Приводили они пример из кораблестроения. Когда были изобретены дизельные двигатели, стали не нужны паруса. А те, кто выпускал парусники, не поняли, куда всё идёт. Они думали, что дизельное и парусное будут параллельно развиваться. И стали тоже нововведения придумывать: увеличивать корабли, громадные паруса в три-четыре слоя делать. И разорились все. И когда какая-то фирма не расстаётся вовремя со своей продукцией, про неё говорят: в её паруса дует ветер разорения.

Но это был один принцип эффективной работы. А остальные

личное

Вы закончили Московский авиационный институт, и столичный дух в вас всегда присутствовал. А сибирячкой себя ощущали? Вуз, в котором я училась, — один из лучших технических вузов мира. Правда, я заканчивала не технический, а инженерно-экономический факультет. Но тех знаний об отрасли и об управлении ею, которые я получила, мне хватило на целую жизнь. А Сибири я очень благодарна за то, что была возможность развиваться как учёному. Я работала над своей темой — и никто мне не препятствовал. Не особенно помогал, но и не препятствовал.

Какими языками владеете? У меня в базе французский, и есть несколько переводов, которыми я горжусь. Например, когда училась в аспирантуре, пришло описание вычислительных машин на французском, и я для факультета это переводила. А не так давно для Красноярской епархии переводила ряд отрывков из книги Ирэн СЕМЁНОВОЙ-ТЯНЬ-ШАНСКОЙ «Христиане от Горбачёва до Путина. Весна веры в России», изданной в Париже. Ещё немного знаю польский — в Польше 5 лет учился мой сын, и я там часто бывала. С польского вместе с сыном мы перевели несколько статей — одну очень известного социолога о последствиях безработицы для семей. Страшная статья: если родители полтора-два года не работают, это очень сказывается на детях, они потом становятся изгоями, люмпенами, психологически теряются.

А в 1984 году перед стажировкой в ГДР я учила немецкий — и потом целый год осваивала его «с погружением», живя в немецкой семье. И весь этот мой опыт убедил меня в том, что иностранные языки надо учить по детским книжкам и детективам. Именно так, по рекомендации кандидата филологических наук Антонины ПАНТЕЛЕЕВОЙ, преподавательницы польского, я учила этот язык по детективам ХМЕЛЕВСКОЙ и книгам Януша КОРЧАКА.

Какое время года — ваше? Весна. Я родилась весной, и в этот период всё просыпается. Весна — время надежды. В следующем году встречу уже свою 80-ю весну.

Отношения с домашними животными? Обоюдолюбовные. У нас очень долго жил кот Дымок, трёхцветный, был практически членом семьи. А сейчас у нас любимица Муся. Это собака моего внука, французский бульдог. Она знает социальные роли, понимает человеческую речь. Когда дочь строгим голосом говорит ей, что в большую комнату входить нельзя, то пока дочь дома — Муся не ходит. Но как только дочь за дверь, Муся тут же пошла по квартире. Вечером в обратном порядке — как только ключ в замке поворачивается, Муся из комнаты на своё место, будто с него и не сходила.

Какой талант, как вы считаете, реализовался в вас наиболее полно? Мне как-то сказали, что я умею объединять людей для интересной работы. Вокруг закручивается жизнь, появляются новые идеи… У меня никогда не было высоких административных должностей, когда я работала замдекана, факультет был небольшим. Но управление маленькими творческими коллективами мне, видимо, удавалось — так мне сказали мои ученики, и мне дорога эта оценка.

Жизнь как изменение шляпной моды

Галина Ивановна всегда носила шляпки. Ещё учась на первом курсе столичного вуза, молодые модницы обнаружили, что рядом с институтом находится шляпная мастерская с великолепным мастером. Так что студентки МАИ щеголяли и в беретах с пропеллером, и в пилоточках а ля стюардесса.

десять посвящены тому, как наладить доверие в коллективе, заботиться о сотрудниках и т.д. Были такие рекомендации руководителю: не лги, осведомляй работников, не допускай кулуарности. Не жадничай, давай развиваться…

Так что движение от чистой экономики к нравственности началось скорее от менеджмента. Менеджер стал соображать. Он же практик, сидит на рынке, ему надо сбывать продукцию. Да, в реальном бизнесе корысть и нравственность выступают в паре. И многое определяется тем, как далеко заглядывает предприниматель. Если хочет разово сработать на рынке, можно об этике и забыть. А если намерен обосноваться, то поостерегись.

— Наши менеджеры начинают понимать эту зависимость успеха от этики, культуры?

— Во всяком случае в экономической теории было понято, что тенденции развития сначала осваиваются в культуре, а потом в экономике. Вот смотрите: начинается 20 век. Какие веяния были в области культуры? Демократизация гения. То есть то, что делали избранные, надо было отдавать широкой публике. Кстати, на этом японцы выигрывают, они на всех раскладывают участие в новом деле.

А сегодня какие тенденции осваивает культура? Организует шоу в духе Майкла Джексона, где зрителям позволено даже менять содержание представления. Ранее зрители были пассивны. Для экономики эта тенденция означает передачу функций от топ-менеджмента (режиссёров) — работникам среднего звена. Надо расширять их сферу влияния, менять содержание их работы, какие-то сложные вещи поручать.

Сегодня всё большее количество людей вовлекается в проекты. Но сначала культура начала вовлекать ранее пассивных участников, а потом уж предприятия делегировали новые функции управленцам среднего звена. Так, анализируя глубокие процессы в культуре, можно поймать и прибыль за хвост.

— Когда учёные обратили внимание на значение национальных особенностей в экономике — после японского чуда?

— Интерес был всегда, но преимущественно это послевоенные исследования. Национальные особенности заложены в отношении к труду. Потому так успешны протестантские страны. Кстати, они очень плохо относятся к тем, кто беден, они не сердобольны. Но есть один пункт, который всегда забывается, а он важен. Протестанты говорят: мы должны относиться к людям за пределами нашей общины так же, как мы относимся к своим общинникам. Потому что эта публика может стать нашими контрагентами в сделках. То есть этические поступки обусловлены практическим интересом.

А в общих чертах, если говорить о национальных особенностях, то, скажем, японцы обращены внутрь коллектива, а вовне умеют заимствовать лучшее. Англосаксы действуют быстро («время — деньги») и потому по-прежнему остаются впереди. Немцы не пренебрегают мелочами, системны, держат всё под контролем, не полагаясь на волю случая.

— Насколько преподавание в вузах учитывает все эти этические и антропологические аспекты?

— Экономическая теория разрозненна, но когда изучаются разные её разделы, а также история экономических учений, — обязательно всплывут те вещи, где присутствуют рассуждения о нравственности. В рамках управленческих дисциплин изучают этические взгляды. В аудите есть раздел этики. И повторюсь — студенты принимают эти темы с большим интересом. Особенно раздел, связанный с аксиологией, с религией. Он им не очень известен, а им хочется знать, что это такое. Получается, мы не всегда соответствуем уровню требований наших студентов.

Сейчас мы возвращаемся к тому, что когда-то отбросили. Потому что в переходный к капитализму период мы отбросили лишку в учёте социальных и религиозных связей. Посмотрите, какие сейчас идут религиозные войны! А как трудно решаются экологические проблемы…

— Галина Ивановна, как вы на будущее смотрите: с оптимизмом или — «грядёт апокалипсис»?

— Элементы апокалипсиса есть: войны, эпидемии, церкви проваливаются под землю. Но я смотрю скорее оптимистично: безумие не может быть бесконечно. Потом — я женщина. И думаю: что рождено — должно жить, что выросло — должно дальше расти.

— А с точки зрения этики в экономике?

— Когда-то бывший ректор Педуниверситета А. ФАЛАЛЕЕВ подкинул мне цитату, за которую я ему благодарна. Был такой известный экономист Джон М. КЕЙНС, один из основателей макроэкономики и сам достаточно успешный инвестор, к концу жизни сколотил неплохое состояние. В своём «Завещании внукам» он сказал: «Наши внуки будут жить в мире, где справедливость и добро будут предпочитать пользе».

Валентина ЧЕЛАЗНОВА

Самое сильное профессиональное очарование? Мне посчастливилось присутствовать при начале внедрения в экономику математических методов. Самые блестящие лекции по математике, применяемой в экономике, я слушала на факультете МГУ и потом в Санкт-Петербургском университете, когда профессор И. СЫРОЕЖИН вернулся из Вашингтонского университета и по свежим впечатлениям читал разделы массового обслуживания. Экономика ведь была политизированной наукой, а математика — нет, и поэтому очень толковые люди собирались на экономико-математическом направлении.

Любимый автор? Самые любимые в XX веке — женская группа поэтов. Они мне близки своими трагическими судьбами, преданностью литературе. АХМАТОВА — ещё и набожностью. ЦВЕТАЕВА — тем, насколько точно она понимала интеллигентных женщин. Из современных читаю французов и поляков. Анна ГАВАЛЬДА мне очень близка по мироощущению. Леон ВИШНЕВСКИЙ — я изучала польский по его «Одиночеству в сети». Считаю, это очень глубокая вещь. Потом переписки — если бы вы знали, насколько глубокими они могут быть! Из последних русских книг я испытала «горький восторг» (выражение Л. АННИНСКОГО, правда по поводу другого текста), прочитавши книгу «Несвятые святые» Архимандрита Тихона. С восхищением отношусь к писателю Алексею ИВАНОВУ.

Музыка? Из хитовых — Нино РОТА и ЛЕГРАН. И я завсегдатай филармонии.

Как человек старой закалки вы наверняка что-то умеете делать руками? У меня есть фотография 1914 года, где моя прабабушка (если во мне есть хоть капля благородства, то от неё) со всей своей семьёй — с мужем, детьми. И всё, что на них надето, сделано её руками. Дома была швейная машинка «Зингер», она до сих пор сохранилась у двоюродной сестры в Орле… Бабушка считала, что ум человека виден по тому, что он умеет делать руками. У нас это очень уважаемо в семье. Моя дочь шьёт почти профессионально. Я вяжу.

Любите ли вы готовить? Люблю. Раньше всякие изыски старалась предлагать. Но сейчас мы как-то перешли почти на традиционную русскую кухню. Внук говорит: если бы было можно, я бы 15 блинов ел утром и 15 вечером. Так что блины печём. Пироги — причём дрожжи сухие не применяем, только живые… Холодец варим. Супы.

А к юбилею готовитесь? Готовлюсь. Из удлинённого пиджака мини-пальто а ля Шанель смастерила, купила шляпку экстравагантную «аристократическую» (по квалификации моей приятельницы)… А если серьёзно — есть задумки двух статей, которые хотелось бы опубликовать.

Когда заканчивается период ученичества? Никогда. Сейчас учусь уже у своих студентов.

Можно закончу стишком? Ведь старость — поэтическое время жизни. Парафраз известного стихотворения:

Неправда, что мысли спокойней, неправда, что волосы глаже.
Всё те же победы и войны, и горести те ж, и пропажи.

10 заповедей бизнесменов, разработанных Торговой палатой Польши

1. Ни одним своим действием не способствуй разрушению природной среды.
2. Поддерживай материально научные исследования, которые направлены на улучшение того, что устарело вследствие экономической деятельности.
3. Не производи того, что угрожало бы жизни и здоровью людей.
4. Никого не обманывай.
5. Старайся изыскивать наивысшие доходы через изобретения, лучше организуй работу, делай интересную (однако не лживую) рекламу, результативный маркетинг и анализ сбыта, ориентируйся на технологические изменения, а не действуй через монополизм, фальшивую рекламу или завышенную рентабельность.
6. Поощряй своего подчиненного, особенно если он хорошо выполняет свои обязанности.
7. Не обескровливай никого, не обкрадывай через искусственное занижение расценок, сокращение отпусков, срезание премий и т.д. Помни, что справедливое вознаграждение за хорошо выполненную работу причитается каждому.
8. Создай подчинённым хорошие условия работы, не угрожающие жизни и здоровью.
9. Будь щедрым — пусть твоя предприимчивость и таланты служат не только тебе, а всем нуждающимся.
10. Обязательно постарайся понять, что обладание даже небольшим количеством денег совсем не означает, что ты лучше других, что тебе позволено унижать людей, что ты станешь наимудрейшим и имеешь наибольшие возможности.

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
октябрь 2014 г.

Предъявите речевые навыки

Человек настойчиво-отрешённо констатирует: «Я не умею произносить тосты!»

— Ну что ж, давайте начнём учиться с самых коротких, — предлагает специалист по деловому общению. — С «генеральских». Скажите «За...» и подставьте любое слово...

— За... женщин. За... вас. Я умею произносить тосты!

— Вы не представляете, какой хохот стоит иногда на занятиях! И как люди радуются, когда их коммуникация оказывается удачной, — говорит моя собеседница.

Инна Петровна РОМАШОВА — кандидат филологических наук, доцент Омского госуниверситета им. Ф.М. Достоевского. В Красноярск приехала на конференцию «Экология языка и коммуникативные практики», проходившую в СФУ (*рассказ об этой конференции читайте на стр. 16-17)*. Её второе образование — психологическое, кроме того, в личном портфолио — повышение квалификации по рекламе, связям с общественностью и маркетингу. Инна Петровна преподаёт, работает в управлении маркетинга вуза, а ещё — ведёт семинары и тренинги по деловому общению в компаниях и организациях Омска.

Её доклад на конференции в Красноярске — про речевые модули для работников корпораций — никого не оставил равнодушным. «Как можно заставлять людей заучивать шаблонные фразы наизусть! — возмущалась коллега-филолог. — Когда в конце дня в супермаркете измученная кассир говорит мне: «Спасибо за покупку! Приходите к нам ещё», мне хочется ворваться к менеджерам этого магазина и потребовать — прекратите издеваться над персоналом!».

Но Инна Ромашова считает, что готовые словесные матрицы для человека с 12-часовым рабочим днём — скорее, благо. А для компании — жизненная необходимость.

— Инна Петровна, вы занимались классической филологией. А когда и как пришли к прагматизму маркетинга?

— Мой научный консультант Оксана Сергеевна ИССЕРС — известный специалист в России по стратегиям и тактикам русской речи — пригласила меня в 1994 году на факультет международного бизнеса ОмГУ вести курс «Деловые коммуникации». По нему тогда не было даже учебников! Я начала вести этот курс сначала у студентов, потом у практиков — и так включилась в эту сферу.

— Сейчас научных исследований в этой области стало больше?

— С литературой по-прежнему проблема. У меня три основных курса: «Деловое общение», «Деловая риторика», «Деловой этикет и протокол». И если этикет и протокол — это универсальные правила, которые везде одинаковы, и здесь пусть будет переводная литература, то что касается делового общения — ситуация другая. Берёшь книгу с фамилией отечественного автора, а вещь — переводная.

— А что это значит — плагиат?

— Не знаю. Но ссылок на первоисточник нет. А внутри могут встречаться такие ляпы: «Спикер должен стоять в трёх футах от аудитории». Мы же понимаем, что это не наше.

Хороших учебников — буквально единицы. Думаю, причина в том, что защита авторских прав у нас не на высоком уровне, и специалисты, которые работают в этой сфере, не хотят публиковать свои разработки...

— Чтобы не делиться методиками и не плодить конкурентов?

— Возможно. А то, что публикуется, часто уже отработанный материал.

— А что за тренинги вы ведёте?

— Первый раз меня пригласили провести семинар в 2001 году, это была организация, занимающаяся статистикой. Им нужно было упорядочить письменную документацию, сделать её более грамотной и т.д. Я тогда взяла их документы, которые руководитель считал не очень грамотными, спросила, что именно ему не нравится, и составила рекомендации — как правильно писать тексты в данных жанрах.

В 2002 году меня пригласили в Центр делового образования университета. Руководители, которые приходят в центр повышать квалификацию, потом приглашают меня в свои организации — провести семинар или создать для организации копирайт-бук.

Копирайт-бук — это электронное пособие, по которому любой новичок в организации может собрать любой деловой текст из предлагаемых заготовок, как кубик Рубика. Причём заготовки не являются универсальными. Например, если я составляю деловое письмо для организации, торгующей металлом, то там представлены аргументы, связанные с данной деятельностью. А если предлагается модуль делового письма для компании, которая занимается продажей оргтехники, то применяются другие словесные обороты.

— Что больше востребовано — подготовка письменных документов или навыки устной речи?

— Это зависит от целевой аудитории. Руководителям, в основном, нужны навыки устного выступления, деловой беседы с вышестоящими, организации и проведения совещаний. И исключительно всем, и руководителям, и сотрудникам, важно, грамотно ли они говорят. Чем более высокое положение человек занимает, тем лучше понимает, насколько ценится умение верно строить свою речь. Поэтому организации часто заказывают простой курс «Культура речи». Нормы ударения проходим, правила выстраивания предложений, даже орфографию и пунктуацию повторяем.

Сейчас работодатели, когда просят «хороших выпускников», в первую очередь оговаривают: «Чтобы были грамотными». Потому что руководители порой жалуются, что им приходится перепроверять тексты молодых специалистов.

— В вашем вузе что-то поменялось в связи с такими обращениями? Допустим, обязательные диктанты для выпускных курсов вы проводите...

— У нас для специалистов коммуникативных профессий есть триединый курс: деловое общение, деловой документооборот, деловая риторика. Плюс специфические коммуникативные курсы. Юристов, например, готовят к выступлениям в суде. Есть аудитория, где полностью воспроизведён антураж зала судебных заседаний, и студенты отрабатывают навыки выступления адвоката, шаблоны речи судьи и т.д. Специалистов по связям с общественностью обучают, как провести презентацию, организовать общение с журналистами на пресс-конференции и т.д. То есть перечень жанров другой. Везде своя «деловая риторика»...

Кроме того, есть общеуниверситетские курсы по орфографии и пунктуации, но туда идут по желанию. К сожалению, не всегда студенты осознают, насколько это важно.

Только когда практиканта на работе в нелицеприятной форме упрекнут за неграмотность, он начинает искать возможность повысить свою «языковую квалификацию».

— Расскажите, как вы работаете с корпоративными клиентами.

— Когда поступает заказ, я стараюсь (раньше на это не всегда обращала внимание), чтобы техническое задание было оформлено письменно и подписано руководителем. Потому что когда оно сформулировано, он сам лучше понимает, что хочет от приглашённого специалиста. И я всегда обговариваю с руководителем, что причина неэффективности коммуникации может быть вовсе не в речевых навыках, а, например, в проблемах менеджмента. Или нездоровая внутренняя обстановка сложилась — и это уже не моя проблематика. Но чаще одно с другим связано.

Итак, сформулировано техзадание. После этого я провожу исследование той речевой ситуации, которая сложилась в организации. Иногда текстовый материал предоставляет сам руководитель, показывая, что его беспокоит.

Совершенно другая ситуация — когда просят разработать так называемые речевые модули или «фирменные стандарты общения» для компании. Это огромная работа, она занимает не меньше месяца. В качестве материала для исследования берутся записи телефонных разговоров в call-центрах компании. Либо делаются записи по методике «тайный покупатель». То есть компания нанимает специального человека, он выступает в роли покупателя, потом диктофонные записи общения с продавцами расшифровываются. Бывало, что и я сама, и вся моя семья ходили в роли «покупателей».

На основании собранного материала делаются два основных вывода. Первый: как не надо говорить. Составляется небольшой список так называемых stop-фраз. Допустим, никогда не надо говорить клиенту «за вами числится задолженность». Человеку неприятно, что он кому-то должен. Лучше — «у вас на счету отрицательный баланс».

Второй вывод — рекомендации, как необходимо строить речевое общение с разными целевыми аудиториями: потребителями, партнёрами и т.д. На основе исследования составляются целые книги, которые сначала обсуждаются с топ-менеджерами и сотрудниками, потом распространяются в организации.

— Часто вам говорят, что ваши занятия и рекомендации «очень помогли»?

— Обычно звонят и говорят: нам рекомендовали вас... А лично благодарят, как правило, выпускники и люди, которые обучались в Центре делового образования. Они говорят: «Мы применили вашу технологию общения, и это принесло дополнительную прибыль». Или: «Я после тренинга получил работу». Вот это для меня самое ценное.

— Речевые шаблоны обедняют речь?

— Шаблоны и стандарты извлекаются из речи самих сотрудников — но из речи удачных, успешных. Всегда есть те, у кого получается лучше, и ты практически ничего не придумываешь, просто берёшь то позитивное, что уже есть в работе организации, и распространяешь, так сказать, «передовой опыт». Причём рекомендации ты обсуждаешь с коллективом. Например, сотрудники call-центра одной организации категорически отказались произносить формулу «запрашиваемые вами ...» — и я согласилась: да, в конце рабочего дня такое сложно выговорить. К мнению коллектива всегда прислушиваешься.

— Шаблоны не допускают вариантов?

— Варианты обязательно предлагаются. Ведь потребитель может вести себя по-разному, поэтому и алгоритм общения нужен гибкий. Например, когда человек отказывается с тобой говорить — что делать? Или когда идёт на конфликт. Буквально для каждого форс-мажорного случая предусмотрен свой вариант речевого поведения, что и позволяет человеку, который работает 12 часов в сутки, выбрать из предлагаемого перечня готовый выход из ситуации.

— То есть наличие шаблона облегчает жизнь сотрудникам?

— Да, тем более что не каждый обладает достаточным уровнем языковой компетенции, чтобы найтись, когда, допустим, тебя просто пытаются обмануть или намеренно ставят в неловкое положение — такое тоже бывает.

А есть сферы, где общение изначально конфликтное. Например, ЖКХ. Человек звонит, у него прорвало трубу, в кипятке плавают ковры, — как с ним разговаривать, когда он просто кричит? В силовых структурах также очень часто возникают конфликтные ситуации, и людей обязательно нужно учить грамотно в них общаться.

— Стандартизированный язык меняет характер? Поработаешь в компании — и станешь говорящим автоматом…

— Повторюсь — корпоративные стандарты изменчивы. Каждый раз, когда меняется линейка продуктов, тут же пишутся новые презентационные тексты. Когда компания выходит на другой регион, или меняется целевая аудитория (допустим, цены подняли — и начали приходить уже другие клиенты) — шаблоны тоже пересматриваются. В этом смысле корпоративная система речевых тренингов как раз очень гибкая.

С другой стороны, профессиональная деформация есть у всех. И у педагогов, и у актёров — лексикон, даже интонации профессия меняет. С этим ничего не поделаешь.

— Торговля, силовые структуры… Где ещё требуется подготовка с использованием речевых модулей?

— Специальную подготовку проходят врачи, которые должны уметь вести беседу с пациентом. Ещё психологи, потому что умение вести диалог — вообще суть их деятельности. У нас в университете лучшие коммуникаторы — это студенты-психологи. Мы всегда их берём на выставки, они хорошо общаются и с детьми, и с их родителями, потому что этому их учат, это часть их профессии.

— А внедрение речевых модулей не приведёт к тому, что человека рано или поздно заменит автоответчик?

— Где можно, это уже происходит. Скажем, в телефонных компаниях. Вы звоните с какой-то просьбой и слышите: если вам необходима такая-то функция, нажмите цифру 1…

— И клиентам это нравится? Нет статистики, что люди предпочитают — информацию от автоответчика или живую консультацию? Например, вызывая такси, я всегда выбираю разговор с диспетчером, а не смс.

— С такой статистикой я не знакома. Но судя по тому, что такая крупная корпорация, как Сбербанк России, открывает повсеместно call-центры и набирает огромное количество сотрудников (хотя, я думаю, Сбербанк в состоянии поставить хорошие автоматы) — видимо, предпочитается личное общение. Сейчас вообще идёт тенденция персонификации контактов. Компании готовы разговаривать лично с каждым. Не случайно организации заводят свои странички в твиттере, на фейсбуке, где к вам обращаются не «уважаемый клиент», а «Полина, вы купили у нас телефон, он оказался неисправен, предлагаем вам обратиться к менеджеру Григорию, и он устранит неполадку…»

— Все эти технологии работы с клиентами, в том числе словесные формулы, — это западные кальки? А в каких дозах допустим национальный колорит?

— Я занимаюсь изучением коммуникаций в российских организациях 18 лет, долго собирала корпоративные тексты. Вы не представляете, каким количеством официальных и неофициальных документов регулируется речевая жизнь отечественных корпораций! Есть «Стандарты общения», «Положения о единой информационной политике», даже «Библии продаж» и «корпоративные молитвы»… Опыт позволяет выделить общую тенденцию. Сначала заимствуются западные аналоги, но потом формируются свои, отечественные деловые практики, которые должны обслуживаться иными текстами. Западные технологии не везде работают. Например, так и не прижилась фраза продавцов «Чем я могу вам помочь?». Чаще всего люди от неё шарахаются. Воспринимают как ситуацию, когда тебе будут что-то навязывать.

И вот компании стали искать какие-то российские образцы делового общения. А где их взять? Ведь у нас в 1917 году традиция формирования языка сферы обслуживания прервалась — лет на 70-80. Но, например, сети русских ресторанов начинают в своих речевых изысканиях опираться на традиции русского купечества (как они себе их представляют). Отсюда появляются обращения к посетителям «сударь», «сударыня», «не хотите ли отведать». Отсюда «кваски», «медки», «картошечка с укропчиком»… Такой «старорусский» стиль обслуживания можно оценивать по-разному. Однако налицо процесс формирования норм русского делового общения.

— Может ли прийти время, когда, наоборот, потребуются люди не со стандартным языковым подходом, а с индивидуальным?

— Думаю, для гигантских корпораций общая тенденция к стандартизации сохранится. Иначе нельзя управлять такой сетью филиалов. Но всегда будет требоваться и общение персонализированное, скажем, для vip-клиентов.

Вообще, молодые люди, которые думают о перспективе, должны понимать, что умение эффективно общаться — необходимый навык современного специалиста. Тем более не должно быть ситуации, когда человека с высшим образованием просят что-то сказать в организации — начать мероприятие, например, или быть модератором встречи, а он отвечает: «Я этого не умею, пусть Иван Иванович говорит, у него лучше получается». Нужно внушать студентам мысль, что чем бОльшим количеством жанров устной и письменной речи они владеют, тем больше будут востребованы. В любой профессии.

— А что студенты должны делать: читать учебник по деловой речи или всё-таки великую русскую литературу? Может, нужно не гладким фразам учить, а обогащать язык?

— Разные задачи могут быть. Когда психолог на телефоне доверия общается, ему не до самовыражения. Там просто нельзя сказать ничего лишнего, потому что одно неверное слово, которое «цепляет», может толкнуть человека на необратимый поступок. В этих сферах созданы чётко отработанные речевые технологии.

Но если выпускник хочет быть специалистом высокого уровня или, например, развивать свой собственный бизнес, — здесь очень ценится проявление личностных качеств, в том числе и речевая индивидуальность. Потому что бизнес во многом держится на связях и отношениях. А для этого нужно уметь поддержать разговор на любую тему. Кстати, мы этому учим; например, в курсе общей риторики есть задание — разговор с незнакомым человеком в купе вагона. Здесь и проявится кругозор, начитанность, если они есть.

— Это тоже нужно для бизнеса?

— В русском деловом общении, в отличие от западноевропейского, важны две цели. Первая — решение делового вопроса. Но всегда ценится и способность поддерживать оптимальные личные и рабочие отношения. Русский деловой разговор имеет кольцевую композицию. Он начинается с общих тем, потом решается деловой вопрос, и опять переходим на общие темы.

Я люблю приводить такой пример разговора, свидетелем которого была. Руководитель очень высокого уровня, первое лицо в организации, звонит в министерство. Руководитель — мужчина, в министерстве — женщина. Сначала они обмениваются приветствиями, комплиментами. Потом руководитель спрашивает у дамы из министерства: «Ну что, муж с рыбалки вернулся, что привёз? Ой, стерлядку! Как я вам завидую. Уху сварили? Нет, пироги пекли? Тоже хорошо!». Дальше идёт решение делового вопроса: «Я чего звоню. Мне надо во второй половине дня к вам подъехать — документы подписать. Можно? Большое спасибо». И опять возвращение к личной тематике: «Приходите к нам, жена будет рада. Пирогов со стерлядкой не обещаю, но угощение будет». То есть начался деловой разговор с обсуждения личных тем, потом за 30 секунд решили деловой вопрос — и опять вышли на общий, приятный для обоих диалог. И когда идут тренинги деловых коммуникаций, мы обе эти линии прорабатываем.

— А на Западе такой разговор разве невозможен?

— Возможен, но значительно реже. Наша студентка, выпускница факультета международного бизнеса, работает в компании, которая решила продвигать русские алкогольные напитки в Европе. Делегация из Омска прилетела в Германию на переговоры. Заранее было установлено, что будут обсуждаться 5 вопросов. У входа в организацию они ждали довольно долго своих партнёров (прибыли раньше) — и им никто не предложил войти. Наконец контрагенты явились и сели за стол переговоров. У нас обычно разговор с гостями начинается с вопросов о том, как долетели, что хотите посмотреть и т.д. Здесь все попытки членов русской делегации перейти на неформальные темы хозяевами прерывались: вернёмся к обсуждению «по протоколу». Переговоры закончились, договор подписали, пожали руки — и до свидания. То есть традиция другая.

— Но именно из этой традиции к нам пришли и «речевые модули», и корпоративная культура, которая становится всё более тотальной. Как-то встретилось определение, что и само государство — корпорация, а мы все — её члены. Лично мне это не нравится. Не хочу жить в государстве-корпорации, хотя бы потому, что в корпорации ты — наёмный работник, это не твоё. А моя страна — это мой дом, Родина…

— Мы уже живём в государстве, где многие вещи определяются крупными корпорациями, и нужно отдавать себе в этом отчёт. Естественно, те правила игры, которые установлены в этих корпорациях, транслируются на государственные отношения.

— Но статусные роли, технологии общения мы теперь вводим не только в общественной сфере, но и в семье. Каждый глянцевый журнал предлагает свои «10 шагов», чтобы твой мужчина сделал то, что ты хочешь, или твой ребёнок рассказал, почему пришёл невесёлый из школы. Может, эти приёмчики и работают, но гуманитарий в моей душе протестует!

— Речевые практики сейчас настолько технологичны и развиты, что они способны оказывать воздействие на людей помимо их воли и желания. То, о чём вы говорите, это протест против манипулятивных практик. Неприятно, когда ты чувствуешь, что тобой манипулируют, это вызывает отторжение. А когда кругом одни манипуляции — нет пространства для чистого непосредственного общения, для самовыражения.

Считаю, что люди будут уходить из этих сфер манипулятивного общения. Сейчас таким уходом являются социальные сети. Вот где демократия, полная вольница — без знаков препинания, не всегда литературно, но это способ говорить то, что хочешь, а не что от тебя хотят услышать.

Что касается технологий разговора с детьми или с супругом — вопрос неоднозначный. Когда были многолюдные семьи, где под одной крышей жило несколько поколений, навыки общения передавались естественным путем. Ты с детства знал, как разговаривать с мальчиком, а как с девочкой; как с бабушкой и как со взрослым мужчиной.

А сейчас мы живём по отдельности, в семье часто — один ребёнок. И он не имеет возможности естественным образом получить информацию о коммуникации, навык которой раньше формировался сам собой. Возникает необходимость обучения этому навыку.

Но я согласна, что гламурные журналы не являются источником информации о том, как надо общаться. В принципе, этому должны учить хорошие педагоги в школе и родители. Но, увы, они сами иногда демонстрируют не лучшие речевые образцы…

— Кстати, это интересно: к вам хоть раз обращался директор школы, чтобы провести тренинг правильного общения для учителей?

— Знаете, обращались, и не раз. Учителя чувствуют эту проблему. В целом и средняя школа, и высшая понимают, что на рынке труда востребованы люди, умеющие грамотно и эффективно общаться.

Валентина ЕФАНОВА

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
октябрь 2014 г.

Два троллейбуса и трамвай

В жизни ему приходилось заниматься вещами, подчас противоположными по содержанию и неожиданными для него самого. Работал тележурналистом, писал музыку, гастролировал, дирижировал и даже пел в церковном хоре. Нравилось ли? Было ли это только средством заработать на кусок хлеба или чем-то гораздо большим?..

А недавно в Красноярске профессор Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, доктор искусствоведения Валерий БЕРЕЗИН представил результаты своего эксклюзивного исследования, посвящённого музыкантам… королей Франции.

— Чтобы развивать какую-то часть карьеры, надо ей постоянно заниматься, — убеждён Валерий Владимирович. — Этого у меня не получалось никогда. Но всегда и при любых обстоятельствах хотелось заниматься наукой.

— Почему вдруг в поле вашего внимания попали музыканты французских королей?

— Случайно! Однажды, работая в рукописном отделе публичной библиотеки Санкт-Петербурга, я сделал важное открытие. Вы что-нибудь слышали о гармонической музыке? Это европейская традиция, которая существовала у нас до середины XIX века. Потом исчезла, всё вытеснил романс. Ещё Михаил Иванович ГЛИНКА писал: «Во время ужина обыкновенно играли русские песни, переложенные на две флейты, два кларнета, две валторны и два фагота. Эти грустно-нежные, но вполне доступные для меня звуки мне чрезвычайно нравились… и, может быть, эти песни, слышанные мною в ребячестве, были первою причиною того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку».

На это маленькое свидетельство наши историки обычно не обращают внимания, а между тем ансамбль, обозначенный Глинкой, был самым популярным типом домашних усадебных и помещичьих капелл в России XVIII — первой половины XIX века.

В Европе ансамбль духовых инструментов из двух флейт, двух кларнетов, двух валторн и двух фаготов назывался Harmonie musik, musique d`harmonie, harmonie; в русской терминологии — гармоническая музыка. Но в нашей стране она не сохранилась, за исключением трёх-четырёх произведений (в Европе известно их более четырёх тысяч). Замечу: как только я попытался термин «гармоническая музыка» использовать в России, это вызвало бурю насмешек и негодования среди наших теоретиков. Но наконец они унялись, и термин постепенно входит в оборот.

Так вот, в библиотеке я нашёл единственную российскую коллекцию — собрание князя Николая Борисовича ЮСУПОВА, более 50 сочинений. Это было почти чудо. Открытие признали национально значимым, на исследование дали грант Президента РФ.

— И как же вы им распорядились?

— Когда в начале 2000-х годов я начал заниматься гармонической музыкой, то много работал в архивах. Особенно интересно было посмотреть рукописные вещи и понять, почему во Франции, где именно духовая инструментальная культура всегда лидировала, нет гармонической музыки?

Я начал поиск с изучения издательских каталогов в Национальной библиотеке в Париже. В этих каталогах XVIII века видно, кто и что издал, и можно предположить, где искать. Например, есть имена, и очень известные, как например Франсуа ГОССЕК, основоположник французского симфонизма. Я подумал, что он точно не мог пройти мимо этого жанра. Предстояло найти рукописи нескольких его сочинений, о которых я знал. И я их нашёл, но… здесь вышла довольно забавная история.

Скопировать без соблюдения определённых формальностей там нельзя — авторское право, а на бумажную волокиту ушло бы время, которого у меня не было. Мне библиотекарь говорит: «Я очень хочу вам помочь, но не могу. Это почти уголовное дело». Потом подумала немного и спрашивает:

— А вы откуда?

Гармония есть не только в музыке…

— Из России!

— А-а! Так бояться нечего — этого всё равно никто никогда не узнает, да и проверять не станут.

Она тут же всё мне откопировала. Вот так я получил автографы Госсека, например.

— Значит, до сих пор в мире впечатление о нашей стране как об отсталой?

— В культурном и музыкальном смысле — да.

— Итак, вы занялись французской музыкой XVII века…

— Это особый мир, необычайно притягательный. Никогда не смог бы его постичь без помощи и поддержки одного из основоположников истории французской музыки Марсель БЕНУА (ей сейчас 92!). Она щедро поделилась со мной бесценным опытом и редкими документами. В её посылке я нашёл докторскую диссертацию, где описывались традиции, бытовая и профессиональная культура французских музыкантов XVII века, а ещё… порядка 500 страниц просто документов без комментариев. Это были выписки королевского секретариата, жалованные грамоты на место, на должность и т.д. Она 15 лет всё это выписывала из архивов!

И тут я понял, с чего начинается историк. Потому что пересказы, интерпретации и трактовки, которые приведены в некоторых учебниках, не стоят и трёх копеек. Историк должен обладать кругозором, а у нас музыкальный историк — только музыкальный, а это неправильно — он не знает контексты.

Всё, что я прочитал, захотелось перевести на русский… По ходу дела возникала масса вопросов. Например, откуда брались королевские музыканты, служившие при дворе? Где их учили?

Оказывается, королевские музыканты — выходцы из городских музыкантов, и для того, чтобы им играть за пределами двора (на похоронах, на банкетах, где хорошо платили), они обязательно должны были состоять в профессиональной корпорации. В противном случае у них ломали инструменты и отовсюду изгоняли. Так я вышел на корпорацию «Братство Святого Юлиана», вне которого понять придворную музыку невозможно. Это потребовало отдельного исследования и заняло шесть лет. В итоге получилась книга, посвящённая музыкантам королей Франции, — единственный в России труд такого рода, а из неё потом выросла масса побочных исследований.

— У вас хорошее знание языка?

— В своё время я окончил французскую спецшколу, где умели деликатно воспитывать любовь не только к своей, но и к чужой культуре. Мы учили не только язык, но и французскую литературу, историю, географию, даже… математику. Сейчас другие методики, всё другое! А ведь не понимая цивилизации, ты не понимаешь и что делать со знанием языка… Я же много общаюсь с зарубежными коллегами, читаю и перевожу лекции и семинары, с удовольствием перевожу со старофранцузского.

Любовь к французской культуре — это и от мамы. Она начинала учительницей французского в сельской школе. Потом, так сложилось, всю жизнь преподавала на филфаке МГУ русский как иностранный (вместе с двумя коллегами они организовывали первую в стране кафедру такого профиля), а однажды её пригласили в Сорбонну на два года. И потом любовь к Франции согревала её всю жизнь, хотя преподавала она и в Германии, Швеции, Финляндии…

Я стараюсь работать главным образом с первоисточниками, чтобы представить нашему читателю то, что люблю и что мне кажется важным для восполнения, пусть и очень скромного, общей картины европейской культуры. Например, только что опубликовал большую статью о том, как трубачи начинали исполнять БАХА. Дело в том, что барочная техника игры на трубе была полностью забыта. И в XIX веке, когда тот же МЕНДЕЛЬСОН начал Баха возрождать, никто и понятия не имел, как это можно сыграть на трубе? Думали, что Бах писал для каких-то неведомых труб или рожков… И как люди к этому пришли, я описал в этой статье.

— Они нашли эти старые трубы?

— Нет, изготовили новые! И лишь к концу XIX столетия талантливые исполнители смогли сыграть, а публика, наконец, услышать некоторые великие сочинения в их подлинном звучании. Все поняли, насколько красиво это звучит, и главное — другим инструментом трубу не заменишь!

А знаете, когда в России впервые записали второй Бранденбургский концерт Баха? В 1962-м! Казалось бы, сейчас на YouTube мы слушаем миллион записей Второго концерта с высокой трубой. А до 1962 года у нас даже инструментов таких не было… Мы не знали, как играли Баха, на каких трубах. Это к вопросу о музыкальной просвещённости… Кстати, впервые запись была сделана Ленинградским камерным оркестром, а солировал великолепный трубач Валентин МАЛКОВ.

— Валерий Владимирович, у вас такая богатая биография… Говорят, в молодости вы пели в церковном хоре?

— Я действительно служил певчим в храме «Нечаянная радость» в Марьиной роще в Москве. Это были годы учёбы в аспирантуре, кажется 1980-1983. Регентом был мой товарищ, он меня и пригласил. Я поначалу ровно ничего не понимал в службе. Но со временем приобрёл бесценный опыт: понятие о религиозной этике, об истории литургии, её сути, чинопоследовании, знание и понимание евангельских текстов и молитв, смысла обрядности и т.д. Всё это лишь через годы как-то естественно стало частью мировоззрения и ключиком к пониманию христианской культуры. Интересно, что тогда начальство из Гнесинского института, а иногда и из консы, отслеживало певчих-студентов, их всячески гнобили и даже отчисляли. Потом эти же гонители стали неистовыми православными.

— Вы ещё и аранжировщик, и дирижёр…

— Интерес к оркестровке возник в детстве, когда играл в духовом оркестре Дома пионеров. Ещё и ноты толком не умел писать, а уже вокруг меня звучали инструменты, и мне было жутко интересно взять какую-нибудь музыку и разложить на эти инструменты… Позже, в консерватории, педагог говорил обо мне так: «Может соединить два троллейбуса и трамвай, и это будет звучать…».

Когда появлялась возможность дирижировать симфоническим оркестром, это было замечатель-

Лекция-концерт в КГАМиТ

но. Например, мне удалось впервые представить в России симфонии вышеупомянутого Франсуа Госсека. Кстати: свой первый концерт в симфоническом оркестре я сыграл с дирижёром, очень даже вам известным — Иваном ШПИЛЛЕРОМ. Это было ещё до его работы в Красноярске.

На дворе 1972 год, Иван Всеволодович дирижирует Московским государственным симфоническим оркестром. Программа — простейшая, но мне всего 20 лет, и я впервые играю партию первого кларнета в профессиональном оркестре. Перед началом дирижёр походя бросает: «Не волнуйтесь, всё будет нормально...». Подходит моё соло. Иван прекращает дирижировать, складывает руки ладонями вверх, будто держит хлеб-соль, и с поклоном обращается ко мне. Фу, слава богу! Он улыбается и продолжает дирижировать. После этого страх прошёл, хотя злющих и надутых маэстро встречал с избытком. Шпиллер всем нравился, и однажды мой друг мне сказал:

— Знаешь, как он размечает партитуру? Он пишет: улыбнуться первым скрипкам, строго посмотреть на фагот, подмигнуть виолончелям...

— Да ну, брось! — и мы стали охотиться за его нотами. Но он обычно забирал их с собой. А «ветераны» подтверждали: очень может быть, он часто в одном и том же месте улыбается!

Вообще дирижёры не часто идут на доброе сотрудничество, больше склонны к «безоговорочной капитуляции». А я и сейчас не знаю, как «правильно». Агрессии во мне нет, а доброта порой провоцирует фамильярность...

Что касается практической музыки, то я умею довольно многое, и когда мне нужно было зарабатывать на жизнь, это пригодилось. Например, в 80-е и начале 90-х годов я делал массу аранжировок для оркестров Центрального телевидения и Всесоюзного радио, для театров, Государственного духового оркестра.

— А в театре вы как оказались?

— Начинал там работать в качестве музыканта, потом музыкальным руководителем, дирижёром. Страшно повезло! Когда я работал в театре им. Моссовета, там играли великие Ростислав ПЛЯТТ, Леонид МАРКОВ, Вера МАРЕЦКАЯ, Георгий ЖЖЁНОВ. Ничего не понимая в сути театра, только интуитивно чувствовал масштабы личностей: обожал Плятта, побаивался РАНЕВСКОЙ, восхищался БОРТНИКОВЫМ. В «Школе современной пьесы» (рубеж 90-х — 2000-х) работал с замечательным Львом ДУРОВЫМ. Общение с ним — это подарок судьбы...

Дуров — человек очень совестливый, добрый, но сдержанный и закрытый. Его открытость для телекамер, для публики на концертах, где он обычно рассказывает одни и те же «обкатанные» байки. О важном и серьёзном говорит редко. Но этически он человек безупречный. Хорошо помню наши первые гастроли в Израиль. Продюсер предложил: хотите, после спектакля поедем на Красное море? Но туда ехать — ночь автобусом, и возвращаться — тоже в автобусе. Люди замялись. Посмотреть Красное море хотели все, но и устали сильно. Молчание. Я говорю: «Тяжеловато...». И тут Лев Константинович, только что перенесший инсульт (ещё даже зрение полностью не восстановилось), как рявкнет: «Ты молодой, боишься ночь не поспать, силы он, видите ли, будет экономить, артист.... (ненормативная лексика)». Этого, конечно, никто не ожидал, он обычно мягкий да пушистый. Но уж не мне с ним спорить. «Я, — говорю, — готов, поехали». Тут и мои музыканты единодушно согласились (скорее — подчинились).

Часа в два ночи автобус останавливается у ресторанчика посреди пустыни, у бензоколонки. Заходим перекусить. Дуров подсаживается ко мне и просит у официанта два стакана водки. Берёт один, говорит:

— Ладно, не обижайся.

— Да вам же нельзя!

— Ничего, сегодня можно.

В Большом театре, где совсем недолго стажировался, работал рядом с Борисом ХАЙКИНЫМ. Какой блистательный, тончайший профессионализм! В нём было море обаяния, дружественного спокойствия, самоиронии (у дирижёров, мне кажется, её вообще не бывает)...

С юности влюбившись в драматический театр, я смог осуществить некоторые свои мечты, поработав музыкальным руководителем в областном ТЮЗе, МХАТе им. А.М. Горького, театре им. Е.Б. Вахтангова, «Школе современной пьесы»... Признаюсь, я здесь не только дирижировал, но и сочинял. Мне в молодости казалось, что я особенно хорошо чувствую музыку, которая должна сопровождать именно драматическое действие.

— Каким попутным ветром вас занесло в цыганский театр «Ромэн»?

— Это тоже был чудный театр, в те годы очень популярный, совсем не академический, но такой живой и темпераментный! Часто артисты сами не знали, когда кончится танец — всё же шло по настроению. Поэтому один из актёров делал условный жест: сейчас заканчиваем. Николай СЛИЧЕНКО, руководитель театра, — невероятно талантливый человек! Его публика на руках носила — буквально! Но сказать об этой моей работе кому-нибудь в консерватории — боже упаси! Осудили бы: фи, как вульгарно!.

— Работали вы и на телевидении. Что вспоминается?

— На телевидении я сначала делал обзор прессы на Первом канале. Наша редакция располагалась в Доме правительства. Там я познакомился с редакторами, операторами, вошёл в эту профессию. Следующее место моей работы — телецентр Министерства обороны, где я готовил военную программу. Потом уже работал на московских каналах и в телекомпании «Мир». С особым удовольствием делал программу «Как живёте, москвичи?». Я сам выбирал персонажей, будь то старый голубятник, искусный повар или приходской священник (фильм «Отец Алексей»).

Работа на телевидении нередко вытаскивала из тяжелейших депрессий. Когда, кажется, жить уже незачем и ждать нечего. Но встречи с моими героями порой всё переворачивали...

Один из таких героев — знаменитый хирург-травматолог, профессор Владимир НИКОЛЕНКО в Центральном военном госпитале им. Бурденко. Никак не хотел он сниматься, а когда согласился — закрылся, всё о прогрессивных хирургических методиках рассказывает и как по кусочкам раненых собирают. Но — разговорил. В числе прочего спрашиваю:

— Вы что больше цените в молодых коллегах, профессионализм или доброту?

И думаю: конечно, вопрос глупый, ответ я и сам знаю. Но не так повернулось.

— Если человек не дурак, профессии я его научу. А доброте — вряд ли. А вы знаете, что у доброго хирурга больные быстрее выздоравливают? Это, заметьте, научный факт! Так что доброта врача — дорогого стоит.

А он — полковник, прошёл все горячие точки и сколько солдат вытащил с того света!

— Вы, — говорю, — наверно, очень крепкий человек, ведь нагрузки огромные у военного хирурга!

— Ничего, не жалуюсь. Только, бывает, спина болит. Межпозвоночные грыжи.

— Но это как-то лечится?

— Лечится, как же. Мой помощник вам расскажет, как лечиться надо. А мне иногда от боли хочется в окно выпрыгнуть.

— Как же вы живёте?

— Да ничего, побеждаем пока. У меня ведь сын маленький, мы с ним вдвоём живем.

Не стану пересказывать дальше этот диалог (всё-таки там много личного), но неловко мне стало, и жить захотелось дальше. Хотя таким, как он, мне и не стать...

— Валерий Владимирович, мне намекнули, что вы ещё и страстный аквариумист. Неужели правда?

— Увлечение аквариумом началось в 11 лет, когда впервые попробовал сделать искусственное оплодотворение икры простых рыбок — данюшек (сейчас бы не решился, а тогда — море по колено!). И где бы ни жили, как бы ни было бедно и скудно, всегда у меня был хотя бы маленький аквариум.

С тех пор каких только рыб не держал, кого только не разводил, но сталкивался с тем, что даже редкий разведённый вид некуда девать. А вскоре занялся гидроботаникой, это целый огромный мир науки и филигранного искусства. Здесь и биология, и вековая культура, и дизайн, и мода. Не могу себя назвать крупным мастером, но кое-что иногда получается. У меня, например, замечательно растут мадагаскарские апоногетоны, зато нимфеи не цветут никогда (аквариумисты меня поймут), так что успехи очень относительны. Зато можно дать большую волю фантазии, попробовать что-то новое, испытать советы «стариков», восхититься виртуозными мастерами. Слава богу, в Москве сейчас очень многое доступно, везут дикие растения, новые виды рыб. Любимое занятие никогда не может надоесть — как и знакомства с новыми интересными людьми.

Занимался я и птицами (канарейками, амадинами, соколами, держал орлана-белохвоста). Отовсюду привозил растения — из Египта, Индии, Туниса, из Италии и Франции. Это, конечно, смешное дилетантство, но интересно вырастить что-то красивое и необычное. Иногда получается.

— Ваша тайная мечта?

— Написать книжку про Эдуарда БАГРИЦКОГО. Раньше думал: почему так люблю его стихи, даже слабые? Еду в командировку и обязательно беру с собой его сборник. А узнав получше, понял: мы одной крови. Ведь он такой же неизлечимый аквариумист, и так же любил море, и так же восхищался искусством, и так же вырос в нищете, и даже болел похоже. Но, конечно, никогда не напишу. Потому что написать лучше Катаева («Алмазный мой венец») нельзя, а писать хуже — зачем?..

Вера КИРИЧЕНКО

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
октябрь 2014 г.

В садах мечты

Чудо — когда сбываются мечты. Особенно когда сбываются они не у записных мечтателей, а у людей деятельных, по своей природе к мечтаниям не склонных. Впрочем, именно у них они чаще всего и сбываются. Те, кто однажды выбрал путь и следует по нему, не питая иллюзий, но и не впадая в грех уныния, имеют все шансы прийти к цели.

Этой известной с начала времён, простой на словах, но трудно исполнимой на деле схеме с успехом следуют жители Абакана Денис САФРОНОВ и Евгений КРАСИНСКИЙ, которым удалось в столице Красноярского края сделать то, чего никак не могли добиться сами красноярцы.

А удалось им реализовать на Взлётке совершенно необычный для Красноярска проект — парк «Сады мечты». Чем же он необычен? Да просто тем, что это именно парк, а не привычная для красноярцев скудно озеленённая, вымощенная или закатанная в асфальт площадка под аттракционы. Именно парк, где главные действующие лица — деревья, кустарники, цветы.

Разместились «Сады мечты» на небольшом кусочке территории, оставшейся от огромного пространства, когда-то отведённого под парк проектом нового городского центра. Проект в своё время предусмотрительно не был утверждён, что и позволило бизнесу застроить практически всё это пространство без каких-либо утомительных проблем с законом. Обозначенный тем забытым проектом так называемый зелёный луч, идущий от несостоявшегося правительственного здания, нынче представляющего собой руины, остался лишь в воспоминаниях разработчиков генплана нового центра.

Но, к счастью, не всё так печально. Часть территории по каким-то причинам всё же осталась свободной от застройки. Наибольшую её половину, что примыкает к выставочному комплексу «Сибирь», займёт парк 400-летия Красноярска. Оставшиеся три гектара, расположенные ближе к жилому комплексу «Городок» и армянской церкви, и заняли «Сады мечты».

Путь в красноярские сады мечты для абаканцев хоть и не был чрезмерно тернист, но усилий потребовал немалых. Начинался он с естественного для бизнеса желания привлечь внимание к своим услугам. Денис Сафронов, деловой человек по характеру и ландшафтный дизайнер по призванию, сумел довольно удачно это соединить и преуспеть на ниве благоустройства частных приусадебных участков в солнечной Хакасии. На определённом этапе, как это часто бывает с людьми увлекающимися, накопленный опыт и всё возрастающая творческая неудовлетворённость породили в нём стремление к свободе — а она, к сожалению, не очень-то приветствуется заказчиками. Потому воплотиться это могло только в собственном парке. Правда, у воплощения изначально была и прагматичная цель — продемонстрировать потенциальным заказчикам возможности современного ландшафтного дизайна вообще и свои собственные возможности в частности.

Так в центре Абакана в 2007 году появился парк «Сады мечты». Появление его превзошло все ожидания автора и поддержавшей его городской администрации. Народ, не избалованный зрелищными изысками, толпами повалил в парк, заставив предпринимателя задуматься о следующем шаге в деле озеленения и благоустройства родного города. А заодно и несколько подкорректировать цели. И это — обычная для творческого человека ситуация: решение сугубо прикладных задач всегда обрастает всевозможными художественными замыслами.

В результате в новом микрорайоне Абакана появился ещё один парк, получивший название «Вдохновение», в полной мере соответствующее душевному настрою его создателей. Этот настрой и очевидный успех позволили ещё смелее мечтать и ещё решительнее действовать. Так сама собой, в полном смысле слова естественным путём, родилась идея попытать счастье в миллионном Красноярске.

Надо сказать, что подобные намерения в отношении нашего города до последнего времени выглядели странно и даже безрассудно — возможность появления парков в краевом центре давно практически сведена к нулю усилиями местного строительного бизнеса. Но, как известно, победа достаётся тому, кто оказывается в нужный момент в нужном месте. Разумеется, при этом надо иметь то, что можно предъявить. А ещё лучше — вложить. Летом 2013 года у Дениса Сафронова и Евгения Красинского всё это удачным образом совпало — за плечами два успешно реализованных проекта и заинтересованный инвестор, а перед глазами городская территория, которую власти отчаянно пытаются прикрыть от алчных взоров застройщиков.

Абаканцам для осуществления их замыслов город отвёл только три гектара — совсем небольшая часть из имеющейся в наличии свободной территории. Но парк «Сады мечты» задумывался как коммерческое предприятие, а это значит, что вход в него должен быть платным. Понятно, что такой подход совершенно невозможен для всего отведённого под зелёную зону пространства, которое должно быть доступно всем.

Здесь трудно воздержаться от замечания, что общедоступность не исключает качества. Напротив, присутствие бюджетных средств, казалось бы, должно исключать самодеятельность. Однако… Чего стоят одни только ели, высаженные у подножия каменистых горок, дорогостоящую замысловатость которых совсем скоро они напрочь и скроют. Остаётся надеяться, что строительство парка 400-летия Красноярска пока не завершено, и кое-что ещё успеют поправить. С этой надеждой вернёмся в «Сады мечты».

Конечно, при желании строгий взгляд и здесь найдёт огрехи. Но напомним, что и начиналась работа «с колёс» — медлить было нельзя, на площадку по указанным выше причинам требовалось заходить немедленно, а потому пришлось ограничиться одними эскизами — на полноценный рабочий проект времени просто не оставалось.

Да и какой смысл фантазировать и чертить что-то на бумаге, когда в реальности уже перемещены кубометры грунта? Однако это не помешало ни появлению в парке многочисленных водоёмов, в которые с каменистых горок водопадами стекают ручьи, образуя замкнутую систему, ни сложной организации паркового пространства — в «Садах мечты», как только разрастутся деревья, можно будет и заплутать.

Но тогда как же всё это удалось? По словам директора парка Евгения Красинского, ситуацию спасла слаженность команды, которую без преувеличения можно назвать командой единомышленников. Кстати, часть коллектива приехала из Абакана вместе с директором. Знакомство же с дизайнером Денисом Сафроновым состоялось ещё в те времена, когда Евгений, будучи студентом физико-математического факультета Хакасского университета, занимался на каникулах укладыванием брусчатки, а дизайнер ещё только начинал пробовать свои силы в дизайне.

Евгений Красинский приехал в Красноярск 1 августа прошлого года. Тогда и началась работа — уборка мусора, установка забора, планировка. Уже в октябре были высажены кусты и деревья. Все взрослые экземпляры, непонятно каким образом уцелевшие в условиях пустыря, много лет со всех сторон окружённого стройплощадками, были в обязательном порядке сохранены. Старые деревья как представляющие особую ценность тщательно «обыгрывались» и вписывались в общую концепцию. А зачастую именно они и диктовали решения. Например, выбор места для кафе был определён большой раскидистой ивой, которая неожиданно для себя оказалась на берегу тихого пруда, населённого многочисленными мелкими рыбёшками и степенными, солидными рыбами.

Как ни странно, вся эта гармония создавалась в режиме импровизации. Конечно, при написании картин импровизация может быть очень и очень полезной. Но если картина создаётся при помощи экскаваторов, бульдозеров и кубометров перемещённого грунта? Да ещё и автор наблюдает за творческим процессом на расстоянии в сотни километров. «Денис бывал в Красноярске наездами, раз в неделю, — удивляет Евгений. — Говорил, где что будет, куда какую землю перемещать и т.д. Правда, перед открытием пробыл здесь месяц. Вообще, у нас уже такая слаженная команда, что понимаем его с полуслова. Что-то сами знаем, что-то три раза переспросим по телефону или электронной почте. Случалось, правда, и не так сделать, как он задумывал. Приедет, посмотрит, скажет «ладно, обыграем», и дальше».

В компетентности членов команды сомневаться не приходится — только это и могло обеспечить успех в отсутствие рабочего проекта и ежечасного, ежеминутного авторского надзора. Что же получилось в результате такого в полном смысле слова коллективного творчества? А получился прекрасный уголок живой природы посреди жёсткого, наполненного железобетоном пространства. Уголок, каким-то чудом примиряющий взгляд с агрессивно-плотным однообразием микрорайона, когда-то претендовавшего на статус нового центра краевой столицы.

Почему агрессивным? Да просто ничто так не утомляет глаз человека, как однообразие. В больших дозах оно способно вообще лишить разумное существо сознания, заставив спать с открытыми глазами. Любой водитель это подтвердит. Уж так мы устроены — нам надо постоянно что-то разглядывать. При этом считывание информации происходит молниеносно. А потому человек, бросив быстрый взгляд на огромный высоченный дом в тысячу квартир, способен мгновенно всё понять, оценить и со скукой отвернуться.

К сожалению, в современных микрорайонах можно вертеть головой сколько угодно, но так и не найти объекта, на котором взгляд без каких-либо волевых усилий мог бы задержаться более двух-трёх секунд. А потому даже ценители простоты и естественности в ландшафтном дизайне, пройдя сквозь нагромождение серых железобетонных коробок к парку «Сады мечты», согласятся с его игривой затейливостью: обилием садовых скульптур, павильонов и павильончиков, фонтанов, водопадов и прудов, каменистых горок и разнообразных скамеек. И с удовольствием углубятся в радующее глаз, приветливое и человечное пространство.

Конечно, растения в парке ещё только начали укореняться и пока не могут в полной мере продемонстрировать свою зрелую пышность и привлекательность. Тем не менее это не мешает парку выглядеть вполне состоявшимся и действовать умиротворяюще на публику, что с просветлёнными лицами прогуливается по мощёным дорожкам, радостно карабкается по каменистым тропам на альпийские горки, с удовлетворением обозревает всё парковое пространство с открытой террасы высокого павильона, кормит с детишками кроликов и рыбок. Кто-то пьёт чай в кафе у тихого пруда, кто-то просто сидит на скамейке под раскидистым деревом, слушая журчание сбегающей по камням воды.

И, как положено в садах мечты, предаётся мечтам и размышлениям. А может, и вовсе впадает в то редкое состояние полной ясности и очевидности, что на короткое время избавляет от умственных усилий и примиряет со многим.

И в первую очередь парк примиряет с городом, который остаётся глух к человеческой природе и настойчиво навязывает нам несоразмерные нашим телам размеры, формы, расстояния, высоты…

Справедливости ради надо сказать, что с одного фланга «Садам мечты» достался неплохой фон — известный жилой комплекс «Городок». Разрывающий своими синими крышами и приветливыми башенками мансардных этажей монотонность окружающих жилых кварталов, комплекс благодаря парку, наконец, смотрится так, как и должен был смотреться по задумке своих создателей.

Завершая разговор о красотах парка, следует отметить, что на сегодняшний день из выделенного под него участка пока освоена только одна треть. На оставшейся части, временно скрытой от посетителей забором, продолжаются работы — высаживаются деревья и кустарники, перемещается грунт. К окончательному благоустройству приступят весной. Пока же решено устроить там зимой каток. А всевозможные ледяные горки планируется разместить на детской площадке уже действующей части парка.

Задумок у создателей «Садов мечты» много. И самых разных. Какие из них окажутся востребованными, пока судить сложно. Но уже сейчас понятно, что вполне возможно сотрудничество с теми, кто может в парке организовать что-нибудь интересное и полезное. Например, есть идея проводить уроки танцев на открытом воздухе. Или организовать для местных жителей мастер-классы по ландшафтному дизайну, по посадке растений и уходу за ними.

Конечно, можно отнестись к таким перспективам со скепсисом — платные парки не могут радикально решить проблему отдыха горожан на открытом воздухе. Но можно посмотреть на это и с другой стороны. Разве кто-нибудь возьмётся утверждать, что театры, музеи, концертные и выставочные залы никак не влияют на культурную жизнь города только потому, что за их посещение надо платить? И разве кому-то надо объяснять, почему мы время от времени отдаём деньги, иногда немалые, за вход в концертный зал филармонии, вместо того, чтобы ограничиться посещением каких-нибудь бесплатных зрелищных мероприятий в соседнем Доме культуры? Одно не исключает, а дополняет другое.

Площадки, подобные парку «Сады мечты», обладают большими возможностями по сплочению вокруг себя населения прилегающих кварталов. Одним своим присутствием они меняют атмосферу инертного, эмоционально ущербного микрорайонного пространства, не только украшая, но и очеловечивая его, наполняя новыми смыслами и новыми возможностями. Такого опыта в нашем городе пока немного, но ведь когда-то надо начинать.

Так что появление платного парка можно только приветствовать. Тем более, что рядом с ним разместится парк бесплатный. Да к тому же намного превосходящий его по размерам. Правда, только по размерам. Но здесь уже ничего не поделать. Строительство, а затем и содержание парка — дело не простое и не дешёвое.

Вот и в «Сады мечты», по словам его директора, надо ещё вкладывать и вкладывать, чтобы осуществить всё задуманное. Тем не менее уже сегодня можно сказать, что абаканцы своим проектом довольно высоко подняли планку паркового строительства в Красноярске. И дело не в ландшафтном дизайне. Дело в самом подходе. Они убедительно показали, что парк может быть самодостаточен, что он хорош сам по себе и при этом может окупать своё создание и содержание. Конечно, об этом как очевидном факте говорили и местные ландшафтные архитекторы, и говорили не один год. Только их не хотели слушать.

Но сегодня ситуация меняется и в Красноярске. А значит, есть надежда, что на «Садах мечты» дело не остановится. И в нашем городе обязательно появятся парки, достойные его природного окружения. Появятся улицы, аллеи, бульвары, набережные, населённые прекрасными созданиями, способными смягчить, очеловечить и оживить городское пространство.

Все мы знаем, как вдруг преображается город, когда распускаются и зацветают деревья, как в нашем сознании отодвигаются куда-то на задний план досадные результаты опрометчивых архитектурных и градостроительных решений, исправления которых большинству из нас не дождаться. Но хотя бы смягчить их — вполне возможно усилиями обычных растений. Надо только сделать так, чтобы они справлялись с этим круглый год, а не только в пору цветения.

Кстати, хорошая возможность для сибирских профессионалов сказать своё слово в ландшафтном дизайне. Изобилие привозных декоративных растений и не до конца осмысленные декоративные возможности растений сибирских открывают перед ними широчайшие горизонты. А десант абаканских ландшафтников пусть станет хорошим стимулом к оживлению этого полезного для города процесса.

Галина ДМИТРИЕВА

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
октябрь 2014 г.

Консилиум не пришёл к консенсусу

Международная конференция «Экология языка и коммуникативная практика» в начале октября собрала в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ множество видных языковедов и лингвистов. От взгляда на программу форума глаза разбегались даже у человека, не искушенного в вопросах языковой ситуации в современной России и методиках преподавания лингвистических дисциплин. Докладчики оценивали Александра Проханова как креативную языковую личность, говорили о стандарте и экспрессии в коммуникативной практике новой бюрократии и разбирались с тактиками оценивания на примере высказываний членов жюри музыкального телепроекта «Голос».

Среди десятков пленарных и секционных докладов, посвящённых экологии языка, кросс-культурным и социальным аспектам коммуникации, коммуникативным практикам и даже стилистике креатива, можно было услышать, например, о речевых играх школьников в интернет-коммуникации. Общение в социальных сетях позволяет создавать тексты, нарушающие языковые нормы; возникают своеобразные формы сетевого этикета с обилием смайликов, отсутствием формул приветствия в общении со сверстниками и формул прощания — в принципе. Или о языковых играх в научной фантастике и фэнтези, для которых характерно творческое, нетрадиционное использование языка на всех уровнях. Ольга Викторовна ФЕЛЬДЕ (Сибирский федеральный университет) рассказывала об ангарском меморате — это воспоминания-рассказы коренных жителей Приангарья, воспроизводящие личные впечатления о событиях, связанных, в том числе с затоплением их родных деревень.

Елена Станиславовна КАРА-МУРЗА (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) повествовала о ещё более диковинном звере — лингвоконфликтологии. Конфликт часто начинается из-за восприятия участником интеракции некоторой ситуации или действия, в том числе речевого, как значимого отклонения от норм, результатом которого может стать ущерб — физический, экономический, моральный. Поэтому к языковым, коммуникативным, этическим нормам названная дисциплина добавляет ещё и правовые. Лингвоконфликтология позволяет говорящему или пишущему выбирать правильную интонацию для высказывания. Иногда неправильные варианты использования словосочетаний и фраз русского языка (например, «деффчонки») — это злоупотребление свободой слова, считает Кара-Мурза. По её словам, среда нынешнего времени провоцирует судебные дела по всем видам правонарушений в русском языке. Конфликты возникают как в текстах всех жанров, так и в рекламе. Елена Станиславовна отмечает важность лингвистической экспертизы в судебных спорах и необходимость адаптирования лингвоконфликтологии для нужд любого гуманитарного образования.

Большая часть выступлений непосредственно касалась уже упомянутой экологии языка. Так, Светлана Анатольевна БОЙКО (Байкальский государственный университет экономики и права) рассказывала, что среди основных особенностей современного русского языка учёные выделяют увеличение числа английских заимствований; это становится нормой речевой и письменной коммуникации. Заимствования могут осуществляться на разных языковых уровнях: графическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и даже орфографическом, например, написание каждого слова в названии продукта с прописной буквы, как это принято в англоязычной письменной культуре. Среди примеров встречаются весьма забавные — например, книжный магазин под названием «Bookingem». Оригинальное правописание Букингемского дворца, с которым авторы названия хотели вызвать ассоциацию — Buckingham. Поскольку «booking» означает бронирование, а «gem» — драгоценный камень, для носителя английского языка название выглядит странно и неудобно для интерпретации.

Некоторые исследователи не видят в происходящем никакой угрозы для русского языка и культуры, полагаясь на мифическую «способность языка к самоочищению», однако с позиции эколингвиста этот процесс для будущего русской культуры опасен. «Являясь биологической функцией человека, способствующей его ориентированию/адаптации в окружающем мире, язык оказывает формирующее воздействие на индивида как живую систему», — читаем мы в докладе Бойко. И дальше: «Современный процесс «англизации» русского языка, порождённый изменениями ценностных ориентиров в обществе и в свою очередь порождающий дальнейшие изменения, не может, надо полагать, привести к появлению новой англоговорящей нации, однако он является одним из важных факторов в формировании общества, утратившего свою национальную идентичность вместе с полноценным национальным языком».

Настораживает?

***

Пускай словосочетание «экологическая лингвистика» мало о чём говорит постороннему наблюдателю, но интуитивно его расшифровать может каждый. Это сравнительно молодое научное направление в области языкознания, на стыке философии, социолингвистики и психолингвистики, которое языковую сферу обитания человека рассматривает в контексте законов, принципов и правил, характерных для экосистем со всей прилагающейся метафорикой: например, «экологический кризис» или «загрязнение языка». Родоначальник жанра американский лингвист Айнар ХАУГЕН впервые определил языковую экологию как науку о взаимодействиях между языком и его окружением. Он полагал, что языки конкурируют друг с другом, как животные и растения — внутри государства и других социальных групп, в сознании полиязычных носителей.

С тех пор об истинном содержании этого термина ведутся сложные дискуссии, возникает понятие экологии языка, которая исследует факты и процессы, негативно или позитивно влияющие на состояние и развитие языка как знаковой системы. Вопрос этот особенно интересен, поскольку через каждый язык мы видим мир иначе. Оскудение языка, таким образом, должно напрямую соотноситься с восприятием человеком своего места в мире. «Признание экологического характера языковых взаимодействий, обеспечивающих единство общества как живой системы, заставляет радикальным образом пересмотреть роль языка в эволюции когнитивной ниши человека», — пишет Александр Владимирович КРАВЧЕНКО (Байкальский государственный университет экономики и права).

Как рассказывал на конференции один из адептов лингвоэкологического подхода профессор Александр Петрович СКОВОРОДНИКОВ (Сибирский федеральный университет), в отношении предмета эколингвистики нет единого мнения, сам же он склоняется к признанию таковым проблематики совершенствования языка и его речевого воплощения, включая изучение и популяризацию языкового творчества. У социальной экологии четыре базовые функции, говорит Сковородников: сохранение природы, восстановление природы, совершенствование природы и защита человека от пагубного воздействия природных явлений. Аналогичным образом подобные задачи встают и перед эколингвистикой.

Таким образом, в рассуждениях о современном русском языке сами собой возникают алармистские нотки.

Многие лингвисты подмечают процессы вымывания из языкового сознания значительной части нации нужных для полноценного общения слов, оборотов и соответствующих смыслов, «а это уже травма не только речи, но и языка, так как происходит омертвение его существенной части».

«Сейчас мы можем констатировать, что угроза языкового и ментального разрыва поколений, отлучения России от слова в значительной степени уже осуществилась и продолжает осуществляться», — предупреждает учёный, и звучит это весьма грозно.

Однако если продолжать аналогии с собственно экологической наукой, то можно условно разделить всех учёных-экологов на два типа: общественного и научного плана. Цели у этих групп разные. Если первые озабочены повышением уровня социальной значимости сохранения природы, то вторые ограничиваются описанием ситуации, научным моделированием, в крайнем случае — прогнозами. Посылы, тексты и желания первых более эмоциональны, они не чураются благородного пафоса; напротив, другой группе присуще осторожное недоверие.

Разность взглядов на эколингвистику и её статус как дисциплины сформировали внутренний нерв конференции и определили основной полемический вектор.

«Лингвоэкологии надо осознать свою концептуальную базу, понять, что общего и что различного в смежных сферах, — говорит Григорий Ефимович КРЕЙДЛИН (Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета). — Без этой демаркационной линии я её как науку не вижу». По словам Крейдлина, это судьба всех молодых дисциплин: «Опасность состоит в том, что сейчас мы называем этим словом то, что уже есть — а это значит плодить сущности без необходимости».

«Вообще-то говоря, всем, чем занимаются в рамках так называемой лингвоэкологии, люди уже давно занимались», — соглашается с предыдущим спикером Евгений Васильевич ГОЛОВКО (Институт лингвистических исследований РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге). Если смотреть на положение дел в широкой перспективе, то получается, что русский язык находится в неплохой ситуации, да и вообще вряд ли стоит утверждать, что ему что-то угрожает.

***

Один из самых именитых гостей конференции член-корреспондент РАН Е.В. Головко и прокомментировал, о чём так ожесточенно спорят на конференции и что подразумевает экологический подход к языку?

— По моему мнению, в рамках экологии языка речь идёт о том, чтобы сохранять языки как таковые на земле, потому что они, несомненно, исчезают, осталось их шесть тысяч с небольшим. За мою лингвистическую биографию я наблюдал, как минимум три языка исчезли. Это один из эскимосских языков — я знал последнюю его носительницу; потом это язык керекский, который был распространён на севере Камчатки, и один из языков индейцев на Аляске. Кроме того, я могу перечислить десятки языков, где носителей остались единицы. Но это задача не научная, а прикладная! В этом смысле экология языков — сохранение, фиксация, документация. Отчасти — то, что называется ревитализацией, то есть возрождение языка, его институциональная поддержка.

— Возрождать языки — вроде бы миссия достойная…

— Чрезмерный азарт для лингвиста сомнителен: дело это чрезвычайно сложное, успешных примеров в мире можно насобирать два-три, не больше. Есть со всем этим одна проблема — пока люди сами не захотят говорить на конкретном языке, их нельзя заставить. Если язык не престижный, если они считают его бесполезным — зачем он им нужен? Может быть, он вообще бесписьменный. Да, бытовой язык. Да, я, может быть, помню какие-то слова. Да, дедушки-бабушки говорили, и папы-мамы тоже пытались говорить. Но я-то сейчас такой современный, получил специальность, и для работы он мне не пригодится. Просто не выдерживает конкуренции по степени практичности и нужности с большим языком.

В общем, экология языков хоть какой-то смысл имеет. Но это не наука. Задача академической науки — извлекать фундаментальное знание из каких-то фактов. Конечно, у любой науки есть прикладные задачи, но они побочны.

— А что тогда смысла не имеет?

— То, что на конференции особенно активно и бурно обсуждалось: лингвоэкология как забота о сохранении конкретного языка. Здесь я абсолютно не солидарен с тем, чем это направление занимается, потому что перенесение биологических метафор на языки, на лингвистику, как правило, совершенно неудачно. Уподоблять язык живому организму, какому-то существу — в корне неправильно. Потому что организм — это природа, а язык — вещь сугубо социальная. Всё, точка.

— То есть, никакой практической пользы разработанные эколингвистами рекомендации не приносят?

— Ошибочно думать, что наука — это лопата, молоток или вилка, и мы сейчас этим инструментом что-то поковыряем, подкрутим и исправим. Требовать от фундаментальной науки какой-то практической полезности могут только чиновники. Язык — вещь саморегулирующаяся. Языковое планирование, языковая политика — всё это появилось совсем недавно. Раньше об этом никто не заботился, и языки отлично жили! С ними случались самые невероятные вещи: они скрещивались, смешивались, заимствовали, какие-то народы переселялись с места на место — с языком, естественно. Жизнь шла своим чередом. И вдруг сейчас спохватились — а как это он без нас был столько тысячелетий?

Человеку свойственно заблуждаться, что он всё может контролировать. Но это немножко смешно и напоминает «1984 год» Джорджа Оруэлла. Всё это утопия, даже в тоталитарном государстве нельзя полностью управлять языком.

— Так что же происходит с русским языком?

— Ничего ужасного. Он просто меняется, что говорит исключительно о его крепком здоровье.

Социальные реалии и социальные отношения не стоят на месте, поэтому сетовать, что молодёжь сейчас не так говорит, диалоги не так строит — не совсем умно. Да, что-то иногда попадает в речь, что кажется нам лишним — но оно само исчезнет. Если на куртках дворников вместо слова «уборка» начали писать «клининг», то это не страшно: или не приживётся, и тогда мы будем вспоминать о нём, как о курьёзе, или приживётся, что тоже нормально.

В русском языке абсолютное меньшинство слов, исконно русских по происхождению — и кто об этом помнит? Когда язык перестает быть способным вбирать в себя чужие слова и их адаптировать, значит, он болен. Кроме того, ведь люди, которые охотно употребляют в разговорной речи англицизмы — они же и иностранного языка, как правило, толком не знают. Кстати, со знанием иностранных языков дело обстоит куда хуже, чем в Европе, где худо-бедно каждый говорит по-английски.

— Известный факт, что в некоторых странах, в том числе европейских, государство пытается регулировать процессы, связанные с заимствованиями. Например, во Франции на каждый англицизм, условно говоря, сочиняют собственное слово.

— Да, но такая практика тоже не особо успешна. Можно как-то тормозить языковые тенденции, но если люди сами будут употреблять новые слова, никакое правительство не сможет этого остановить. Поэтому и не имеет смысла говорить, что язык загрязняется или портится. Мы можем только изучать, какие происходят изменения, и давать им объяснения. А с русским языком всё хорошо, поверьте. Такие периоды уже были — после революции 1917 года, например, писали работы на тему «Язык революционной эпохи». И тоже хватались за головы: мол, так много аббревиатур! Да, аббревиатуры первое время были очень модными. Но ничего же не случилось.

— Но, вероятно, на литературный язык все эти новации как-то повлияли?..

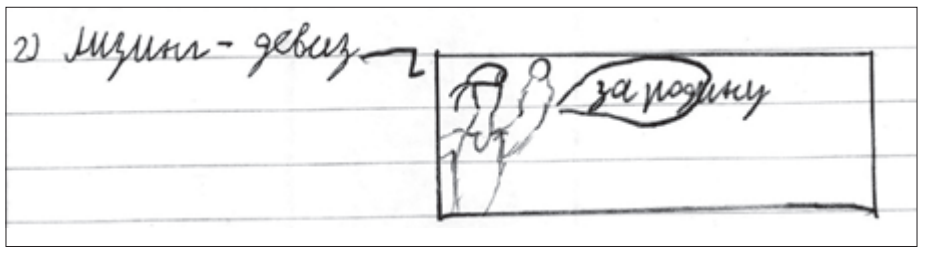
— Литературный язык — это ведь тоже изобретение. Его не вырыли откуда-то как эталонный метр, нет — он выдуман. Сконструирован. Литературный язык — символ государства, если угодно, так же как гимн или флаг. Он когда-то был сделан, и потом уже шла сознательная работа над ним. Посмотрите: поскольку все проходят через школу, они усваивают представление о литературном языке. Но тот, кто потом будет дворником, он не очень старается учить язык, потому что ему это не пригодится. А кто намеревается пойти в университет, тот всё впитывает, потому что считает, что это необходимо. И это тоже абсолютно нормально.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

МАЛЫЙ ЖАНР

«Лизинг — может быть, митинг Лиз?»

Пока учёные ломают копья, споря здоров русский язык или серьёзно болен, мы решили обратиться к носителям языка с вопросом — нравятся ли им заимствования и используют ли они сами в речи иностранные слова. Наши эксперты — школьники 5-6 классов.



«Мне нравится, когда мои родители или знакомые употребляют иностранные слова, потому что некоторые звучат очень красиво. И мне важно, чтобы моим родственникам было удобно разговаривать, пусть я их и не понимаю». *(Юлия КОЖУР)*

«Я отношусь к этому с простотой и не замечаю». *(Иван АНОСОВ)*

«Мне нравятся иностранные слова, так как я могу научиться новому языку. Я отношусь к этому с уважением». *(Соня ТРОПИНА)*

«Русский язык надо разбавлять иностранными словами». *(Есения ПАВЛОВА)*

«Мне нравится, когда используют иностранные слова — мои родственники и друзья становятся как бы современней. Но некоторые начинают думать, что они самые модные и продвинутые, и никого не замечают, и думают, что другие ничего не знают». *(Кристина ГЛЕБОВА)*

«Мне нравится, но немного надоедает, потому что произношение просто ужасное». *(Олеся САВИНА)*

«Мы живём в России, а Россия — это могущественная страна со своим алфавитом и со своими словами». *(Артём СЕЛИН)*

«Мы будем лучше знать иностранные языки, сможем вести переговоры с другими нациями, сможем понимать лучше их, а они нас». *(Данил ДОБРОВОЛЬСКИЙ)*

«Моя бабушка иногда использует иностранные слова. Я отношусь к этому спокойно, так как бабушка произносит слова, которые очень красиво звучат. Бабушка родилась во Франции. Я сама начала учить французский, и он мне очень нравится». *(Анастасия АСЕЕВА)*

«Я адекватно отношусь к словам из других языков, потому что я понимаю эти слова, и они не «бросаются». (я их не замечаю)» *(Д. ЮРЬЕВ)*

«Моя подруга использует слова бонжур и хеллоу. Иногда мне становится смешно от этого». *(Полина СУТАЕВА)*

«Я очень хорошо отношусь к таким вещам. Например, селфи — фото самого себя через телефон». *(Юрий ЛУДНОВ)*

«Я считаю, что граждане РФ не должны забывать свой родной великий русский язык». *(Вера ПОТЕХИНА)*

«Если знаешь значение этих слов, то можно их употреблять, но не так что 50% слов в речи, нет! Меня больше устраивает свой язык, русский». *(Елизавета ШИТИКОВА)*

«Мне это нравится. Потому что обычно все произносят и воспринимают это в шутку». *(Яна ГАВРИЛОВА)*

«Лучше употреблять исконно русские слова, чтобы мы не потеряли и не поменяли нашу культуру. Несколько иностранных слов, я думаю, можно допустить в язык, но не много, а то можно просто сделать иностранный язык родным. А это не хорошо». *(Тимофей ВЕРЕТНОВ)*

«Заимствование иностранных слов — это дружелюбно, мило. Этими словами мы обогащаем, делаем краше наш язык». *(Катя УСТИМОВА)*

«Это выглядит глупо. Но мне всё равно, используют эти слова окружающие или нет». *(Евгений ФУРСОВ)*

«Я не против, чтобы употребляли иностранные слова. Главное, чтобы это были не маты» *(Е. ВИЛКОВА)*

«Нравится или нет — в зависимости от того, как употребляют. Если невежливо, неуместно, то не нравится. А если сравнивают предметы, уместно в диалоге и звучит красиво – то нравится». *(Александра КУКАРЦЕВА)*

«Если моим друзьям хочется употреблять иностранные слова, я не буду им указывать. Я отношусь к этому нейтрально». *(А. ШЕПОВАЛОВА)*

«Мне нравится, когда люди употребляют иностранные языки (в рамках приличия, конечно), потому что для меня знание сложных слов — показатель словарного запаса». *(Анисия ПУТИНЦЕВА)*

«When my family and friends speak a different language, I do not like. Because it's difficult to understand everything» *(подписано неразборчиво)*

А ещё мы попросили детей объяснить значение некоторых слов (или пофантазировать, что они могут означать). Надо сказать, что практически все знают слова «гаджет», «микс», «имидж» и «тренд». А вот с «лизингом» и «консенсусом» возникли ожидаемые сложности.

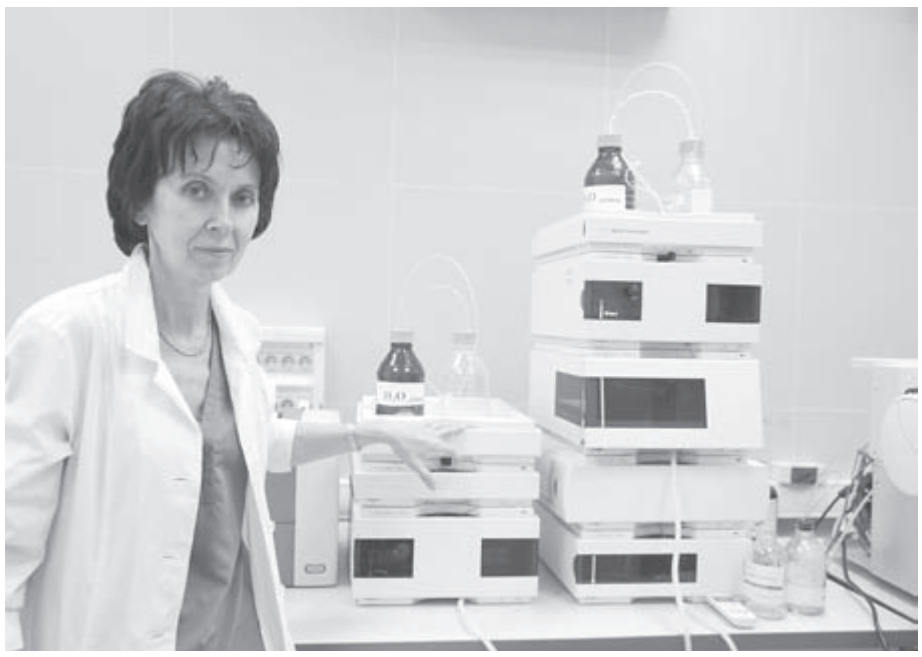
- «*Лизинг* — это когда кто-то или что-то может всё, что не могут другие».
- «Что-то типа макияжа».
- «Может быть, снасти для рыбалки? Похоже на спиннинг».
- «Мне не нравится, как звучит это слово, так как мне не нравятся подлизы».
- «Думаю, это означает плакат или что-то подобное».
- «Процедура для кожи».
- «Когда люди говорят «лизинг», я вспоминаю свою сестру Лизу».
- «Лизинг — звучание нот».
- «Это снимать или зачислять деньги на карту, делать что-либо в банке. Или заниматься каким-то спортом».
- «Взять что-то под залог».
- «*Консенсус* — даже не могу представить, что это значит. Видимо, украшение типа ободка».
- «Консенсус — вид, вкус (кофе)».
- «Это когда происходят плохие вещи. Например, опозориться, или когда тебя отчитывают».
- «Это когда один человек рассказывает свою идею, а другие с ним соглашаются, чтобы это создать».

Мы благодарим учителей гимназии №2 за огроооомную помощь в работе

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
октябрь 2014 г.

«Кипятить слёзы над горелкой

Её жизнь висела на волоске. Операция продолжалась несколько часов… Проникающее ранение в живот. Потеря крови. Резус отрицательный. Реанимация…



До и после

В тот вечер выпускница биолого-химического факультета Красноярского госуниверситета работала в вузовской научной лаборатории, где проводились эксперименты по синтезу новых материалов.

— Было это более 25 лет назад, мы обогащали алмазом углеродный порошок, — вспоминает к.т.н., доцент кафедры химии Политехнического института СФУ Ирина Дементьевна ЗЫКОВА. — Теперь понимаю, что работать с концентрированной хлорной кислотой в тех условиях категорически было нельзя: ни специального бокса, ни перчаток, ни взрывобезопасного стекла. Но нас торопили, всем хотелось быстрее получить результат. Возможно, в один из стаканов случайно попало инородное тело, моментально раздался взрыв, стекло вдребезги, и всё на меня. Дальше как в тумане. В шоке (а уже началось внутреннее кровотечение) дошла до раковины, сама умылась и почувствовала сильное головокружение. Как мне потом рассказывали, кровь сдавал весь институт — студенты, преподаватели — три автобуса доноров…

Это случилось 8 февраля, а в сознание я пришла 10-го — в день своего рождения. И тут же решила: выйду из больницы — начну качать пресс. А лечащий врач: забудь про пресс, и аккуратно так намекнул, что после выздоровления хорошо бы поменять профессию и заодно оформить инвалидность. Ну уж нет, думаю. Какая может быть инвалидность? Я ещё совсем молодая! И вопреки совету — сделала всё с точностью до наоборот.

Нет худа без добра. После взрыва мне выделили служебную квартиру и отправили в Ленинград на курсы повышения квалификации. Через год родилась дочь, и я продолжила работу в институте, на кафедре химии. После защитила кандидатскую по теме, связанной с безопасным захоронением жидких радиоактивных отходов. Но интуитивно хотелось отойти подальше от всего взрывоопасного и заняться чем-то мирным…

В это время на кафедре стал работать доктор химических наук, профессор Александр Алексеевич ЕФРЕМОВ. Уже тогда он исследовал состав и свойства эфирных масел хвойных растений Сибири, и мы рядом с ним наслаждались фитонцидами леса…

На предложение учёного присоединиться и вместе разрабатывать перспективную тему я ответила согласием.

Симфония трав

Научно-исследовательская лаборатория. Сушильные шкафы, термостаты, холодильник, шейкеры, штативы, множество колб — от маленьких до невероятно больших… В воздухе терпкий, но приятный коктейль из луговых трав. Для полной гармонии и слияния с природой не хватает только щебетания птиц.

Ирина Дементьевна подводит меня к установке для получения эфирного масла, которая была изготовлена по чертежам и эскизам профессора Ефремова.

— Это наша бочечка-пихтоварочка! Так ласково мы её называем. А по научному — гидропародистиллятор. Обычно в лабораториях эфирное масло получают в небольшой колбе, а его выход из большинства травянистых растений (лабазник вязолистный, медуница, володушка золотистая и др.) составляет 0,2-0,5% — всего 5-7 капель, маловато для изучения всего состава. К примеру, если взять 100 граммов той же володушки золотистой и отгонять из неё масло в течение четырёх-пяти часов — почти ничего не получим. Поэтому мы решили увеличить объём сырья до одного килограмма и загружаем в свой агрегат в 10 раз больше сухой травы. И чем лучше её измельчишь, тем больше выход масла. При повышении температуры пары поднимаются, увлекая за собой эфирные масла, наверху они собираются и конденсируются над водой. Такая нехитрая технология. Самый волнительный момент — первые капли…

— Вы так эмоционально рассказываете, как будто это не химический процесс, а… музыка.

— По-другому не могу — так меня эта тема захватила! Да ещё рядом — Александр Алексеевич постоянно экспериментирует… В 2007-м году в СФУ запускали Центр коллективного пользования, поступили новейшие приборы (газовый и жидкостный хроматографы), без них мы бы ничего не сделали. И, слава богу, приборы до сих пор в рабочем состоянии.

— Что вы уже успели протестировать?

— На сегодняшний день изучили компонентный состав эфирных масел более чем 20 дикорастущих растений. Исследовали зависимость состава эфирных масел от места произрастания, исследуемого органа и фазы развития растения. А моё знакомство с эфирными маслами началось с обычного сибирского деликатеса — черемши.

— И там есть эфирное масло?

— Синее причём. Совсем немного, только следы. Зато для получения этих капель надо было потрудиться — загружали и загружали без конца… В составе масла много сернистых соединений, и поэтому, когда мы свою «бочечку» запустили, на этаже долго стоял чесночный запах.

— У разных растений масло отличается по цвету?

— А я вам сейчас покажу, палитра — загляденье! Эфирное масло володушки золотистой, которая активно используется в народной медицине, сначала выходит бирюзовое-бирюзовое — глаз не отвести, но очень быстро окисляется. Я только начинаю с ним работать, а оно уже коричневое.

У меня гипотеза такая — если растение в целом полезно, то и его биологически активные вещества тоже. А в наших сибирских дикоросах море полезных веществ — это и кумарины, и дубильные соединения, алкалоиды и т.п. Данные компоненты уже используются при изготовлении лекарственных средств, а вот эфирные масла пока не очень активно. Мы их должны исследовать на мышках, на крысах. Лет десять надо, чтобы выйти на готовый препарат.

— Это и есть конечная цель?

— Говоря узкопрофессиональным языком, целью наших исследований является разработка научных основ комплексного использования биологически активных веществ дикоросов Сибири и создания на их основе препаратов лечебно-профилактического назначения. Например, сейчас аспиранты активно занимаются антоцианами (пигменты, придающие цвет) черники, дубильными веществами, кумаринами. А мой интерес — эфирные масла. Многие из них обладают противовоспалительными, антимикробными, антиоксидантными свойствами. Вот мы и пытаемся из трав Сибири, растущих в естественных условиях, извлечь пользу. Говорят, где родился — этим и надо лечиться. Мы же не австралийские аборигены, чтобы лечить простуду, допустим, эфирным маслом чайного дерева. Местное — оно и по составу не хуже, и дешевле намного.

Секреты «кухни»

И в наши дни в тибетских монастырях подбрасывают в ритуальный костёр веточки можжевельника, а в европейских храмах курят ладан. Неспроста…

— Ирина Дементьевна, на пузырьках с маслом какие-то цифры — 1, 2, 3… Что это значит?

— Так мы отмечаем фракции эфирного масла. Допустим, первая фракция — это масло, полученное за 30 минут от начала перегонки, вторая — за час и т.д. Дело в том, что процесс выделения эфирного масла растянут во времени и протекает с изменяющейся скоростью. Нами установлено, что процесс выделения эфирного масла из корневищ аира болотного полностью заканчивается за 18 часов, а из семян борщевика рассечённого — за 44 часа. Учитывая сложный состав эфирного масла, можно было предположить, что состав отдельных его фракций, отобранных в процессе выделения, будет различаться. Хромато-масс-спектрометрический анализ показал, что состав фракций действительно отличается, причём в каждой фракции отмечается максимальное содержание того или иного компонента.

Вы наверняка встречали заросли дикого пастернака, внешне похожего на укроп. При исследовании мы получили интригующий результат: в эфирном масле пастернака — 27% октилацетата. Причем в первой фракции октилацетата почти 51%, а в последней — 18%. Наших коллег с кафедры фармакологии Красноярского медуниверситета заинтересовал спазмолитический эффект этого масла. Они стали изучать, как оно влияет на мускулатуру кишечника, снимает ли спазм подобно но-шпе?

Медики, проводя эксперименты на грызунах, обратили внимание, что первая фракция масла пастернака действует в два раза эффективнее, чем всем известный атропин — спазмолитик, который закапывают в глаза. А последняя фракция в этом смысле оказалась бесполезной. Теперь думаем-гадаем: то ли октилацетат так эффективно действует, то ли это суммарный эффект ряда компонентов? Но ясно одно — каждая фракция, имея разный состав, обладает разными свойствами.

Если бы не установка А.А. Ефремова, позволяющая получать из растения всё эфирное масло до последней капли — мы бы многого не узнали. Когда встречаем коллег из других городов на конференциях, то выясняется, что в ряде случаев они вынуждены прекратить исследования только потому, что не могут получить достаточный объём масла. А мы в этом как раз выигрываем! Когда медики с нашими маслами работают, у них глаза горят… Самый жестокий эксперимент (мне всегда жаль животных) — измерение токсичности масла. Там должно почти 50% испытуемых погибнуть…

Непаханое поле

— Возьмём тысячелистник, — продолжает Ирина Дементьевна, доставая из мешка вкусно пахнущую веточку высушенной травы. — Есть такой компонент эфирного масла — хамазулен, обладающий противовоспалительными свойствами. Слышали? Он содержится и в эфирном масле ромашки аптечной. А в масле тысячелистника его 50-60 %! Максимальное его количество отмечено в последних фракциях…

В прошлом году получила эфирное масло лабазника вязолистного жёлто-коричневого цвета. А в этом году — в том же месте траву собирала, отгонка велась в тех же самых условиях, а масло оказалось тёмно-синим. В чём причина? Посмотрела на аппарате — хамазулен. Откуда? То ли он появился как отклик на экологические условия, то ли на климатические?

Опыт показывает, что в растениях, собранных в одном и том же месте, но в разные годы, компоненты эфирного масла варьируются в процентном отношении. Зависит это соотношение даже от времени, когда растение сорвано — утром или вечером. Я не говорю уже о стадиях вегетации — розетка, листья, рост стебля, плодоношение и т.д.

В зонтичных эфирного масла больше в семенах, а в других растениях — в соцветиях, а вот в листьях, стеблях и корнях, как правило, совсем немного. Зато в стеблях пастернака — содержится застывающий при комнатной температуре метилсалицилат. Медики считают, что это очень ценное свойство. Можно делать ле-

страсти»

карство, которое будет растворяться в организме постепенно, и человек получит нужную дозу лекарства в определённое время. И в масле лабазника такое вещество есть.

— А не проще, используя достижения химии, получить нужные вещества искусственным путём?

— Может, в промышленных масштабах и невыгодно из природы всё вытаскивать, но исследовать надо однозначно. Простор для изучения огромен! Уже сейчас благодаря имеющимся разработкам можно было бы выпускать лечебные препараты — мази, свечи с эфирными маслами дикоросов. Это несложно. Проблема в том, чтобы пройти сертификацию. Тем не менее мы не собираемся прекращать исследования.

Эксперименты

Ирина Дементьевна показывает ещё один прибор.

— Это спектрофотометр. С его помощью мы пишем электронные спектры эфирных масел в ультрафиолете. Я нашла методику, как растительные экстракты действуют на реакцию аутоокисления адреналина в бикарбонатном буферном растворе. Чем она интересна? Проведём опыт. Понаблюдаем реакцию. Вот видите, на кривой появляется пик, соответствующий образованию промежуточного продукта окисления, скорость окисления со временем нарастает за счёт роста свободных радикалов кислорода. Теперь я ввожу в реакцию эфирное масло, оно должно захватывать эти радикалы и… вот, видите, линия идёт вниз, пик становится меньше. Это говорит о том, что масло обладает антиоксидантным свойством. Есть концентрации масла, которые замедляют реакцию аутоокисления адреналина, а есть, которые ускоряют.

Однажды мне стало интересно проверить, отличаются ли наши закалённые сибирские растения от своих южных родственников? Из Геленджика привезла древесную зелень сосны пицундской и сравнила полученное масло с маслом сосны сибирской. Разницы особой нет, хотя… в масле родственницы с черноморского побережья оказалось больше ароматического вещества бета-пинена.

Ещё одно наблюдение. В обычной перечной мяте содержится ментол, а в нашей дикой (мяте канадской) — карвон — равноценная замена. И то и другое применяют при изготовлении зубной пасты. Интересно распорядилась природа…

Кстати, вы покупали в аптеке масло душицы? Мы проверили состав: он совершенно не похож на тот, что у растений в дикой природе. Парфюмерная композиция — не более…

Сейчас под руководством Александра Алексеевича пишу докторскую диссертацию, хотя это не самоцель, работа должна вылиться во что-то практическое. Мечтаю с помощью эфирных масел попробовать победить рак. Такие эксперименты проводят с раковыми клетками в Новосибирске. Мы нынче для себя открыли и будем исследовать клопогон вонючий — это растение в народе используют для лечения некоторых видов рака.

Мой научный консультант — идейный вдохновитель, глядя на него, хочется работать и работать. С ним мы написали уже не одну статью, а буквально на днях выходит совместная монография «Компонентный состав эфирных масел дикорастущих лекарственных растений флоры Сибири».

Формула счастья

О предмете своего исследования — сибирских травах — Ирина Дементьевна готова рассказывать бесконечно. Каждое лето она ездит в районы края на заготовки.

— У нас такая огромная база растительного сырья! Сорвать бы это всё, да в нашу бочечку… Сейчас модное, кстати, направление — фитодизайн, это когда эфирные масла распыляют в помещении, и создаётся эффект соснового леса или земляничной поляны… И человек расслабляется, не выходя из офиса.

Столько ещё всего неисследованного… В Сибири почти три тысячи видов растений, из них более 500 — лекарственные. Казалось бы, одуванчик — простой сорняк, а за рубежом его сок уже с успехом попробовали применить при изготовлении природного каучука для автомобильных шин…

— И примерно пятая часть мирового производства шин основана сейчас на природном каучуке, который превосходит синтетический по некоторым параметрам. Пока что его получают из млечного сока (латекса) тропической гевеи.

— Уж чего-чего, а сорняков на наших полях хватает… Хочу на себе попробовать эфирное масло молочая для заживления порезов. Однажды я нарвала его, потому что перепутала с володушкой — уж очень похожи! Из дикоросов в моей домашней аптечке всегда есть ромашка и медуница, их отвары использую как противовоспалительное средство. Другие травы, такие как душица, чабрец, кипрей, идут на приготовление ароматного чая, поднимают настроение.

— Ирина Дементьевна, вы такая жизнерадостная и энергичная. Эликсир молодости в своей лаборатории случайно не изобрели?

— Секрета нет. Я неисправимая оптимистка, и это выручает в любой ситуации. И физически стараюсь держать форму. Иногда специально выхожу из автобуса раньше своей остановки, чтобы пройти пешком. В воскресенье — обязательно Столбы. Сейчас начнётся зима, и вы сможете увидеть меня на пробежке в лёгкой одежде. На себе исследую терморегуляцию, научилась держать холод до -15^0С градусов. Я ведь родилась на Севере, в Туруханске, так что мне это даётся легко. В молодости занималась волейболом, лыжами, баскетболом. Однажды простудилась сильно и вспомнила один книжный совет: даже если у вас высокая температура, идите под холодный душ и стойте две минуты, потом перерыв — и опять.

— Помогло?

— Эффект был. Потом решила закаляться регулярно. Вот вы спросили — секрет молодости. Я считаю, мне в жизни очень помогает музыка. В детстве окончила музыкальную школу по классу «фортепиано», в студенчестве научилась играть на гитаре, освоила синтезатор. Музыку люблю разную, под настроение: сегодня — бардовское, завтра — тяжёлый рок, а послезавтра — органная токката Баха или соната Бетховена. И сама люблю классику исполнять на синтезаторе. Я и статью могу писать под музыку. Есть специальная подборка — релаксация.

— Скажите, какая она, формула счастья с точки зрения химии?

— Универсальной точно нет. Она у каждого своя, и у каждого в сердце.

А вот химия счастья известна — это выработка эндорфинов, которые укрепляют иммунную систему, способствуют выздоровлению и вызывают у человека приподнятое настроение. «Наливаешь слёзы в колбу и кипятишь над горелкой страсти», — так советовали нам, студентам-химикам, старшекурсники…

Виктория ДМИТРИЕВА

Красота результата

(Окончание. Начало на стр. 2)

— А вообще путешествовали в другие страны когда-нибудь?

— Когда учился, ездил на научную конференцию в Париж. Один раз были на Хайнане. Тепло, солнечно, китайцы. Ничего особенного.

— А от альпинизма какие самые сильные впечатления?

— Сложно сказать. Есть поговорка, что альпинизм — это лучшее сочетание неприятного с бесполезным. Альпинисты едут черт-те куда, ходят по горам при недостатке кислорода, вокруг холодно, дует ветер, а ещё надо что-то делать: ведь когда висишь, например, на ледовой стенке только на двух ледобурах, то лучше их закрутить правильно. Снаряжение при этом стоит очень дорого, всему надо учиться, постоянно тренироваться…

Зачем, спросите, я этим занимаюсь? Конечно, есть некие внутренние мотивы, но я не озадачиваюсь тем, чтобы рационализировать их для себя. Кончатся — брошу. Мне нравится сам процесс, на всех его стадиях.

— Ты залез, ты это сделал.

— Нет, ты лезешь и ты это делаешь.

— А в компьютерных разработках процесс тоже интереснее результата?

— Отчасти. Процесс там — это такая потенциальная, ещё не существующая реальность, она по кусочку появляется и потом становится реальностью не только для тебя, но и для других людей. А когда всё уже сделано, ты всегда знаешь, что у любого готового решения куча недостатков. Результат всегда хуже той идеи, с которой всё начиналось.

Разочарования по этому поводу часто посещали меня в молодости. А сейчас уже понимаешь, что далеко не всё можно сделать так, как хочешь. Если что-то получилось, уже хорошо. Пользу приносит — тоже хорошо. И даже если просто красиво вышло, это неплохо.

— Вас греет сознание того, что вы делаете что-то полезное?

— Да, это мотивирующий фактор. Но со временем более мотивирует красота результата, даже если он бесполезен. Заказчикам лучше этого не читать.

Конечно, мы не делаем ничего, не применимого в реальности. Но очень хорошо мотивирует, когда эта сконструированная нами виртуальная реальность устроена логично и красиво. Из этого следует, что ей удобно пользоваться, и она действительно помогает решать поставленные задачи. При этом сплошь и рядом сдаются косые решения — но тут ничего не сделаешь. Если, например, закон написан криво, это так или иначе отразится на конструкции программы, которая в соответствии с ним работает.

Сложно объяснить, но вот если платоновский мир идей виделся как отражение, в котором всё абстрактно «хорошо», то создаваемая информационная система — это тоже мир идей, но в котором всё должно быть «хорошо» очень конкретно и измеримо. Наверное, у меня есть некая вера в то, что если в информационной области всё будет логично и правильно, то она вынужденно потащит за собой реальность. Конечно, в жизни чаще всего не так.

— Вы чувствуете себя счастливым человеком?

— Да. Жизнь даётся один раз, и прожить её надо.

— Там есть продолжение.

— Мне кажется, без него звучит лучше.

Татьяна АЛЁШИНА

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
октябрь 2014 г.

Чтобы Лондон вздрогнул,

или Сибирский иронический концептуализм и его основатель

Известный красноярский художник Василий СЛОНОВ часто говорит журналистам, что они могут написать текст с ним, не приезжая на интервью. Мол, интересно почитать, что придумают. Мы сошлись на том, что надо писать два материала — один выдуманный, а второй правдивый. Вашему вниманию — второй вариант. А о первом скажу немного. Мне Василий представлялся более агрессивным человеком. Нет, не суровым невоспитанным мужиком — в его глазах лучи доброты видны даже на фотографиях. Но я ждала какого-то подвоха, провокационных ответов или хотя бы громкого голоса. Если бы я придумывала за Слонова, то он бы получился такой, то есть — ненастоящий. А он предстал совсем другим.

— Василий, как вы относитесь к тому, что делаете? Это профессия?

— Нет, я к этому отношусь как к стихийному увлечению, которым я пленён, которое для меня является некоторым таинством, очень утончённым удовольствием. Это необъяснимая вещь. Но это точно не профессия, потому что профессия предполагает зарабатывание средств к существованию, а, как известно, на искусстве денег не заработаешь. Художник абсолютно не мотивирован деньгами.

Люди, даже когда заказывают проект, не знают, что получится в финале, они просто хотят некое арт-вау, пусть и в определённых рамках. А художник уже сам работает над тем, что получится.

— Все работы делаются на вдохновении, или что-то давалось тяжело?

— Вообще нужно определиться с понятием «вдохновение», что в него вкладывается. Это не скаковая лошадь, которую можно направить удилами куда следует, это неуправляемая вещь, но она необходима. Есть радостный процесс, о котором я как художник не думаю, это потом журналисты, как хирурги, хотят всё разобрать и препарировать. Я не знаю, что внутри меня.

Человек создан для счастья, вне счастья он уже не человек. И настоящий процесс создания искусства, как мне кажется, должен быть лёгким, волшебным, радостным, не грузящим, не депрессивным. Я же не мазохист, чтобы что-то делать, мучая себя. Если и есть такие художники, то я к ним не отношусь. У меня нет работы, есть жизнь, и всё. Вся моя жизнь — личная, семейная, творческая. Нет разделения.

— Кто такой художник сегодня?

— На эту тему копий много сломано. Некоторые говорят, что нельзя называть художника современным, если он оперирует категориями ушедшего века. Скажем, если сейчас художник начнёт делать работы по канонам передвижников, он вроде бы и не современный. Другие говорят, и я поддержу, что современный художник — тот, кто живёт и творит сейчас и создаёт произведения, имеющие рифму на современное время, в котором отражаются актуальные, важные для людей процессы, мироощущения.

— В поле вашего интереса всё: от покинутых деревень, людей с ограниченными возможностями до политики, литературы и сердец из зонтов. Откуда черпаете темы вы?

— Меня часто обвиняют, что у меня нет единого стиля, говорят: «Ты сегодня одно, завтра другое». На что у меня есть ответ: это галеристы и кураторы придумали и навязали такое мнение, что у художника должен быть определённый, чётко узнаваемый стиль. Это маркетинговая стратегия, чтобы было легче продавать работы. И в этой шутке есть не только доля шутки.

Я не знаю, по каким устройствам собственной души, но я гнетусь однообразием, утомляюсь, мне становится жутко скучно. Я порисую картину, мне хочется пойти попилить, потом повзрывать. Это возвращаясь к тому, что, занимаясь искусством, не нужно себя мучить.

Творческий процесс не рациональный, не запланированный, он как река, которая течёт и не знает, где поворот, где водопад, а где пороги.

«Лаптимобиль»

По большому счёту я эгоист, делаю что хочу, глобальный космический бездельник, капризный ребёнок, который действительно сегодня одно захотел, завтра другое. Бывает, носишься с какой-то идеей и уже обтягиваешь подрамник холстом, и вдруг приходит другая идея, всё бросаешь и хватаешься за неё.

В душе, голове, сердце есть некая конкуренция художественных образов, они стоят в очереди, толкаются, и кто-то пролазит вне очереди.

— А потом возвращаетесь к тому, что оставили?

— Да, у меня столы все забиты идеями. Бывает, возвращаюсь к идее, которая три года лежала, просто в какой-то момент она снова засверкает, засветится и влечёт к себе. Например, когда я входил в свой «Кирпичный период» (с 1999 года) и делал кирпичную машину, то придумал целый «кирпичный космос», в котором присутствует много чего... Спустя двенадцать лет руки дошли до кирпичного телефона и т.д. Или, например, давно придумал сделать живописную серию русских пейзажей с радугой. Но радугой не простой, а зарифмованной с творчеством известных художников (Радуга Малевича, Радуга Кандинского, Радуга Эль Лисицкого и т.д.). И когда неожиданно обнаружил, что наше время — это время 100-летия русского авангарда, начал воплощать эту серию. В этом нет ничего необычного, так работают многие художники.

— Идеи не стареют?

— Что-то стареет, хотя вообще-то старею я. Когда я был молодым, у меня было очень много произведений акционистского характера, но сейчас я уже седой старый человек, и некоторые акции в присутствии серьёзной соломоновой бороды уже просто неуместны. Сам по себе проект остаётся забавным, если его кто-то другой сделает. Но я не могу, потому что существует некоторое несоответствие между серьёзным видом и той дурашливостью, которую предполагает акция. Например, перформанс «Банки». Этакий образ супербодибилдера. Я наклеиваю медицинские банки на соответствующие группы мышц, по всему телу. Выхожу на подмостки и застываю в разных классических позах, демонстрируя свою фантастическую мускулатуру. Сейчас это выглядело бы уже не так.

— Есть ли проект, который вам наиболее дорог?

— Такого нет. Меня влечёт несделанное, а к тому, что уже готово, я теряю интерес, даже забываю. Всё мое любимое — впереди. Я не понимаю людей, которые плачутся и ностальгируют: вот раньше было лучше, и водка крепче, девушки краше. По-моему, это какая-то большая человеческая глупость. Самое интересное происходит не вчера, а сегодня и завтра. Вчера было меньше, чем сегодня.

Welcome to Sochi 2014

Белый холст начинает магнитить своим финалом. Потом, когда уже готов, он становится неинтересен. Для людей это может быть ценно, потому что остаётся вне времени, а для меня — страничка, которую уже перелистнул.

— И что же впереди мерцает, какие планы?

— Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Художнику всегда сложно: как визуальные вещи перевести в слова? Вот тут как раз проще говорить о том, что уже сделано... Планов очень много: участие в выставке «Арт-Красноярск», Книжной ярмарке, Музейной ночи. Также в декабре в Москве на Казанском вокзале будет глобальная корпоративная выставка современного искусства «Под крышей РЖД», в ней принимаю участие. Закончилась выставка в Риге «Соединённые штаты Сибири», сейчас подписан договор с итальянскими городами, готовлю работы туда. Недавно вышла книга «Соединенные штаты Сибири: Сибирский иронический концептуализм». Буквально за два года мы с приятелями ввели в художественное пространство такое понятие, как «Сибирский иронический концептуализм», сейчас уже никто не сомневается, что он есть, оперирует понятием и серьёзно, без иронии к нему относится. О сибирском искусстве заговорили.

В долгосрочной перспективе планируется создание моего каталога. Материалов много, а у меня в обойме ещё пара проектов, которыми начал заниматься, и обидно же, что они не войдут. Наверное, у меня никогда не будет каталога, потому что за этими проектами придут новые и новые. Или надо сразу на двухтомник договариваться (*смеётся*).

А на днях получил документы из Англии — сертификат регистрации Галереи современного сибирского искусства в Лондоне. Мы открыли её вдвоём с товарищем, чтобы радовать наших соотечественников на чужбине. Будем вывозить на Запад не только нефть, но и культурные артефакты, и завозить валюту, так необходимую в сложный отрезок времени нашему государству. Что особо радует — без помощи министерства культуры и Союза художников. Открывается новый этап.

— Почему в Англии, а не в России?

— В России можно открыть галерею, но даже в Москве, не говоря уже о Красноярске, первые несколько лет она будет убыточной. Сейчас военное время, да оно и до этого было неустойчивое, искусство не входит в потребительскую корзину населения.

В Лондоне история тоже не коммерческая, а скорее захватническая. Мне кажется, что сибирское искусство должно присутствовать в такой метрополии. К тому же там очень много наших соотечественников: студентов, богатых людей. Им в принципе будет приятно, гуляя по центру Лондона, зайти в Сибирскую галерею. Так сразу грудь расправить (*смеётся*). Галерея уже открыта, сейчас там находится сочинский цикл работ. А непосредственно экспозицию я обдумываю — что должно быть, как красиво оформить, чтобы Лондон вздрогнул.

— Выставка WELCOME TO SOCHI 2014 вызвала громкий скандал. Когда работали над ней, предполагали реакцию?

— Часто приходится слышать упреки, якобы я специально готовил провокацию, всё заранее продумал и вообще суперпиарщик. Но на самом деле такое предположить невозможно. Может быть, есть художники, которые специально лезут на рожон и просчитывают такие варианты, но у них, как правило, ничего не получается. Чтобы сделать такую значительную выставку, было задействовано очень много людей, и все, наоборот, думали, что будет классная выставка, которая даёт пищу для размышлений, и люди порадуются. Проходил отсев работ. Ею занимались кураторы, организаторы, представители министерства культуры Перми. Вышел каталог Пермской выставки (сейчас это раритет, даже у меня нет), который печатался с благословения администрации города и министерства культуры.

В моей личной стратегии эпатаж считается явлением со знаком минус. Мне эпатаж неинтересен, потому что это «казаться» вместо того, чтобы «быть». В WELCOME TO SOCHI 2014 провокации не закладывалось, хотелось сделать лицо русской непредсказуемой олимпиады.

— Вот и как художнику в таком мире жить и творить?

— Тут грех обижаться, моей вины нет, а стыдно должно быть чиновникам. У меня были там суды, обвинения, начиная с экстремизма и заканчивая нарушением авторских прав, но все экспертизы прошли в мою пользу. После этого звонили пермские журналисты и юридические фирмы, которые предлагали устроить судебный процесс с последующим увольнением министра. Спрашивали, собираюсь ли я подавать встречный иск, поскольку были нарушены 3 или 4 статьи Конституции, статья об упущенной выгоде и всё такое. Но мне это не интересно, я отказался. Извинения я готов был принять, но, конечно, извиняться никто не стал. Да и, подвергнув этим репрессиям, хотели наказать, а сделали меня известным человеком. Тем и прекрасно искусство, что оно настолько неожиданное.

— А на политические темы в России можно творить?

— Некоторые считают, что сочинский проект — это политическое искусство. Но для меня это проект, где я работал с архетипами, национальными кодами. Просто современная политика настолько входит в обычную жизнь людей и там всё перепахивает. Художник описывает время, он может и не думать о политике, но она будет присутствовать.

Мне политика не интересна, но я понимаю, что это контекст. Вообще современное искусство контекстуально, вне контекста мы его не понимаем. Специально создавать какие-то работы, которые будут порочить политика или политический курс, я считаю вообще бессмысленным. Если бы мне пришёл политический заказ, скорее всего, я бы отказался или вывернул бы ситуацию так, чтобы это было, по крайней мере, мне интересно.

Я не разбираюсь во всех этих политических и подковёрных ситуациях, я же не политический эксперт и не футуролог. Ну, я сделал магнитик «Слава Украине!» (новая серия магнитов в виде вставных челюстей, — прим. ред.). Политическое это искусство или нет, да кто его знает! Я считаю, что не политическое, а цивилизационное. Отвечая на вопрос, скажу: в России, я считаю, вообще никогда не кончится политическое искусство.

— Зритель вас любит. Как думаете, почему?

— Потому что я люблю! Через мои произведения люди увидели мою любовь к ним и откликнулись взаимностью. Я это делаю не из желания понравиться, а абсолютно искренне. Порой остановят на улице, благодарят за какой-то проект, я тронут, мне тепло и неловко. Тут же как получается: я эгоист и гедонист, наслаждаюсь тем, что делаю, а мне за мои наслаждения люди подходят и говорят «спасибо». Странная ситуация, да?

— А вообще красноярский зритель — какой он?

— По сравнению с другими городами в Красноярске очень благодарный и интересующийся зритель. У него есть ненасытность. По мнению московских арт-критиков, Красноярск считается последним городом на карте страны, где присутствует современное искусство. Они цинично говорят, что за Красноярском искусства нет. Что они в это вкладывают? Естественно, есть авторы, художники и на Дальнем Востоке или в Иркутске. Но ситуация не создана, нет удобренной почвы и событийности. Даже когда открывали сеть центров современного искусства по России, в Красноярске оказалось нечего делать, потому что у нас процесс запущен, идёт. Я, честно, не знаю, с чем это связано, с какими традициями. Но первая биеннале прошла у нас, музейные ночи — у нас.

Историю делают единицы, в своё время нашлись люди, которые взвалили это на свои плечи и создали ситуацию, а народ откликнулся. И сейчас уже невозможно представить Красноярск без этих людей, событий, площадок. Кто устроит нам праздник, кроме нас самих? Всё в наших руках.

Жить нужно азартно, смело. И нужно уметь делать это в бедности. Если люди плачутся и жалуются на отсутствие условий, денег, солидарности, тогда в городе тоска.

А почему в бедности — потому что при больших деньгах и бюджетах не получится жить азартно, психологически ты превращаешься в потребителя, а потребительское сознание входит в противоречие с творческой, креативной стратегией. В принципе, всё искусство, которое делается у нас, делается на коленке. Весь сибирский иронический концептуализм малобюджетный. Конечно, со временем мы вырастем из этих штанов, может, будут появляться инвестиции, но очень важно не растерять искру задора.

— Пермь по-прежнему культурная столица региональной России?

— Если говорить об исходных позициях Перми и Красноярска, то Пермь уступает в наличии площадок, но там создали культурную программу. Пригласили специалистов в области театра, музыки, архитектуры, искусства. Изначально, насколько я знаю, губернатор поехал в Эдинбург, посмотрел и загорелся идеей превратить Пермь в третью культурную столицу. Сделано было очень много благодаря тому же Марату ГЕЛЬМАНУ (галерист, арт-менеджер, создатель и бывший директор пермского музея современного искусства PERMM, — прим. ред.) и команде. У Марата была такая идея: он хотел опыт Перми распространить на все города-миллионники. Он очень серьёзно взялся преобразовать город культурными стратегиями.

Люди уезжали из депрессивного миллионника, молодёжь бежала в Москву за движухой и культурной жизнью. Там удалось всё это создать в городе, и молодёжь стала оставаться. В Перми результаты уже видны, за 4-5 лет. Там ощущаешь себя как в европейском городе, все достаточно чисто, нет и информационного мусора в таком количестве, как у нас. Пермь заблистала, появилась на информационной международной карте.

В то же время это встретило среди людей некое отторжение, поскольку было привозным. У нас ситуация лучше, потому что в естественной среде всё само произрастает. Думаю, если то же самое количество компетентных людей и бюджетов привлечь в Красноярск, у нас оказалось бы лучше, чем в Перми.

— Какие ещё «культурные» города есть на карте России?

— Краснодар, Екатеринбург, Новосибирск, Ижевск, Ростов. Народ просыпается. На Дальнем Востоке есть желание, горение, но нет ничего, что заявило бы о себе в полный рост как явление. Глупо им копировать наш опыт, ценность ведь именно в самобытности. Например, в художественном училище мы росли на образцах французских импрессионистов, и был стереотип, что так и нужно рисовать. Но на самом деле нет. Для французов сибирские художники, которые рисуют французскую живопись, это нонсенс. Те, кто пытается в такой манере продвинуться на европейский рынок, встречают полное равнодушие. Африканское искусство тем и интересно, что оно африканское. Так же и с сибирским или дальневосточным. Нужно смотреть внутрь и чувствовать свой пульс, собственную идентичность.

Многие художники Сибири и Дальнего Востока бегут в Москву или Европу, надеясь на какую-то активную жизнь, думают, там залежи идей, стратегий, художественных образов. А их художники, наоборот, едут к нам, в глубинку. И находят уникальный опыт, удивляются многому. Какая-то шизо-самобытность у нас есть, это правда. Поэтому я призываю никого никуда не уезжать, а творить на той грядке, на которой произрос.

— А каких авторов посоветовали бы посмотреть, изучить?

— Я бы посоветовал нагулять аппетит, зрителю просто должно стать интересно. Есть очень много хороших художников, но выделять кого-то не хочется, все они на поверхности, никто не скрывается. Когда есть аппетит, сам определишься, что вкусно, а что нет.

— Если бы вы могли изменить мир или хотя бы наш город — как бы они изменились?

— Есть такая нетленная мудрость: то, что сейчас происходит, это самое лучшее из того, что могло быть вообще. Можно ещё Бориса ГРЕБЕНЩИКОВА вспомнить, у него в ранних песнях есть слова: «Если б я мог изменить расклад, я оставил бы всё как есть». И ту несправедливость, которая присутствует в мире, и то, что порой нам не нравится, я бы тоже оставил, потому что это самое лучшее, что на данный момент может быть.

Анастасия АНДРОНОВА

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
октябрь 2014 г.

МОЖНО собираться на КРЯКК

Уже восьмой год подряд главным осенним культурным событием города является Красноярская ярмарка книжной культуры, для удобства известная под утиной аббревиатурой КРЯКК. Нынешний рассказ о грядущей КРЯКК вполне соотносится с темой номера, так как проведение ярмарки именно в Красноярске как раз обозначает уникальное положение нашего города на культурной карте России. Ведь подобных ярмарок международного уровня на территории нашей страны всего три.

В этом году культурная и отчасти литературная программа КРЯКК во всех аспектах раскрывает урбанистическую тему с названием «Город, в котором МОЖНО». Название было инспирировано прошлогодним проектом красноярцев Бориса БОРОДУШКИНА и Ирины БАХТИНОЙ, которые устали от запретительной эстетики городского пространства («Проход запрещён», «Бросать мусор запрещено», «Вход с собаками запрещён» и т.д.) и в соавторстве с художником Василием СЛОНОВЫМ придумали ряд разрешающих знаков, которые чётко обозначали то, что в городе всё-таки делать МОЖНО. Количество побуждающих разрешений значительно разрослось на ярмарке, где и МОЖНО будет ознакомиться со всем списком.

Понятное дело, что самая очевидная польза от посещения книжной ярмарки заключается в возможности пополнения личной/общественной библиотеки — здесь МОЖНО купить те книги, которые обычно нельзя найти в Красноярске, про которые вы могли никогда не узнать и т.д. А вот про неочевидную пользу стоит сказать отдельно.

Программа состоит из лекций, мастер-классов, выставок, концертов, фильмов, спектаклей, которые, по сути, объединяются тем, что всё это — успешные проекты и стартапы, которые делаются энтузиастами и профессионалами своего дела, самостоятельно придумавшими себе работу и научившимися зарабатывать на этом. Поэтому и студентов, и молодых специалистов посещение ярмарки познакомит с опытом того, как МОЖНО жить: придумывать собственное дело, раскручивать его и превращать в своё профессиональное занятие. Ведь современный постиндустриальный мир всё реже будет предлагать человеку готовые рабочие места, оставляя его в ситуации необходимости самостоятельного поиска собственного дела в мире.

В соответствии с этим проекты культурной программы ярмарки мы бы условно разделили на три типа. Первый (элементарный) объединяет такие проекты, где посетитель ярмарки является пассивным наблюдателем. Сюда относятся лекции, выставки, показы и т.п.

Второй тип (традиционный) — проекты, предполагающие пассивно-активное участие посетителей; здесь МОЖНО и послушать, и задать уточняющие вопросы, и высказать собственное мнение, и принять участие в предложенной игре. Это мастер-классы, панельные дискуссии, круглые столы и т.д.

Третий тип (продвинутый) предполагает исключительно активное участие заинтересованных красноярцев, обладающих представлением о том, чем именно им хотелось бы заниматься в жизни, сознательно принимающих участие с целью получить недостающие навыки для успешной профессиональной деятельности. Среди проектов — следующие.

↑ С.М. Прокудин-Горский. На дрезине в Петрозаводске по Мурманской железной дороге

↑ «Времена года», «Балет Москвы»

↑ Insideoutproject

↗ Группа «Окуджав», хедлайнер Кулик-феста

1) «Открытая школа городских изменений», которая уже действует с 10 октября. Её участники под руководством экспертов (датского архитектора Кристоффера ВАЙСА, чей павильон был удостоен «Золотого льва» Венецианской архитектурной биеннале в 2006 году; петербургского куратора международного паблик-арт-проекта «Критическая масса» Марии ВЕЙЦ; основателя датского агентства культурного дизайна «UiWE» Кристиана ПАГА), разработают конкретные идеи по улучшению городской среды и публично представят результаты своей работы в программе ярмарки.

2) Мастер-класс по созданию ЗИНов (самостоятельных книжных изданий) от Кирилла САВЧЕНКОВА, преподавателя московской школы фотографии и мультимедиа им. А. Родченко. Здесь в течение трёх ярмарочных дней подготовленные участники (заранее должны владеть навыками работы с дизайнерскими программами на PC, иметь фото- или иллюстративные материалы для создания личной книги) выпустят свои издания. Параллельно с мастер-классом будет работать выставка «Сам издам», для которой куратор Валерия ВЕТОШКИНА собирает современный российский самиздат со всей России.

3) Также возможности для самореализации были предоставлены сибирским музыкантам, художникам и поэтам, которые уже приняли участие в различных конкурсах. Их творческие результаты МОЖНО будет увидеть в дни проведения КРЯКК.

Итак, о конкретных событиях в рамках VIII КРЯКК.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОГРАММА

Концептуальный посыл программы — МОЖНО расширять собственный кругозор, перестать провинциально оглядываться в поисках знаменитостей и знать о современном литературном процессе больше, чем предполагают продавцы популярных книг в магазинах. Тем не менее литературные «звёзды» на ярмарке будут.

Среди участников — имена, хорошо знакомые красноярцам по прошлогодним ярмаркам — Линор ГОРАЛИК, Лев РУБИНШТЕЙН, Галина ЮЗЕФОВИЧ, Елена ГРЕМИНА, Дмитрий ВОДЕННИКОВ, Дина ГОДЕР и др. Новые гости — русский писатель, проживающий в Швейцарии, Михаил ШИШКИН, лауреат множества премий — «Русский Букер», «Национальный бестселлер», «Большая книга»; автор романа «Деревья остаются» Верена ШТЁССИНГЕР; автор романа «Неблагодарная чужестранка» Ирена БРЕЖНА, писательница и переводчица Марина СТЕПНОВА (её роман «Женщины Лазаря» пару лет назад вошёл в шорт-лист всех отечественных премий). В тему ярмарки также встраиваются презентации ряда книг, посвящённых городским исследованиям и урбанистике.

МУЗЫКАЛЬНАЯ, ТЕАТРАЛЬНАЯ И КИНОПРОГРАММЫ

В Театре юного зрителя состоятся показы спектаклей «Бабушки» Театра Практика (31 октября) и «Пыль» израильского танцевального коллектива (3 ноября), а в Театре оперы и балета покажут театральное представление «Времена года» «Балета Москва».

Кинопоказы фестиваля «КРЯКК. DOCFILMS» будут проходить в «КиноМечте» (ТЦ «Комсомолл»). Практически каждый показ сопровождается возможностью пообщаться с создателем фильма или персонажем, причастным к его созданию. Документальный фильм о путешествии «InsideOutProject» по миру представит его продюсер Джошуа ГЕЙЕР. После показа фильма «Человеческий масштаб» о необходимости строительства городов, которые были бы дружественны людям, состоится встреча с датским архитектором Кристоффером ВАЙСОМ.

Пожалуй, самая известная персона — Леонид ПАРФЁНОВ; он представит свой фильм о Сергее Михайловиче ПРОКУДИНЕ-ГОРСКОМ и его цветных фотографиях исчезающей Российской империи начала XX века, а также проведёт творческую встречу.

Также красноярцы увидят фильм местного режиссёра Александра КУЗНЕЦОВА «Территория свободы», который уже был успешно представлен во Франции, а в самом Красноярске пока показан не был.

В клубе «Эра» будет проходить фестиваль актуальной сибирской музыки «Кулик-фест», на котором МОЖНО будет услышать музыкальные коллективы из Красноярска, Томска, Новосибирска, Кемерове, оценить их творчество, а также оказаться на концертном выступлении столичных хэдлайнеров фестиваля — группы «Наадя», «Окуджав», «La Vtornik».

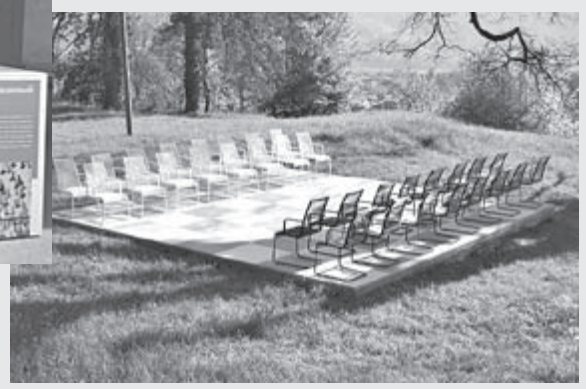
Наконец, уникальный проект КРЯКК этого года — знакомый всем студентам автобусный маршрут №90 на время превратится в экскурсионный маршрут под названием «90 на 90». С 1 по 4 ноября вместо знакомых объявлений «Остановка такая-то» МОЖНО будет узнать интересные исторические факты про родной город. Экскурсия расширяет представление жителей об истории Красноярска, о его культурном и архитектурном наследии, о великих людях, которые ходили по его улицам.

ВЫСТАВОЧНАЯ ПРОГРАММА

Центральный посыл выставочной программы в МВДЦ «Сибирь» заключён в названии «Играя в города». Когда речь идёт об урбанистике, архитекторы, градостроители, социологи, антропологи и др. часто бросаются моделировать «идеальный город», бороться с глобальными проблемами вроде коллапса транспортной системы или катастрофической экологической ситуации что, в конечном счете, приводит к появлению красивых и удивительных, но чаще всего неосуществимых проектов. Поэтому КРЯКК пытается рассмотреть проблемы городского образа жизни с другой стороны, со стороны самих горожан. Основной посыл многих выставочных проектов ярмарки: вместо того, чтобы серьёзно напрягаться по поводу городских проблем и отстаивать необходимость их решения, МОЖНО играть роль активных граждан, которые начинают с малого и предпринимают небольшие шаги по улучшению городской среды. На ярмарке будут представлены подобные опыты посильного улучшения города. Тексты на кубах, которые встретят посетителей ярмарки, сообщат о ведущих современных трендах городской жизни по результатам исследований «BMW Guggenheim lab», проведённых в Нью-Йорке, Берлине и Мумбаи, а опыты из цикла «33 проекта, меняющих город» позволят узнать, например, о том, как в Бремене жители отказались от использования частных автомобилей и обзавелись общественным автопарком для сокращения количества пробок и вредных выбросов.

↑ Liquid theatre, SVADьБА

↑ Паша 183. Город ангелов



↑ Lejeuduchamp. Florian Graf

↑ Спектакль «Бабушки» театра «Практика»

Выставка «Логотипы городов», составленная из дизайнерских работ, представленных в номинации «Территориальный брендинг» на биеннале дизайна «Золотая пчела», сообщает о том, как город обретает собственную идентичность и туристическую привлекательность вместе с визуальным знаком. Серьёзная выставка «Nordic block» освещает принципы удачной архитектурной планировки кварталов нордических городов.

Непосредственно играть МОЖНО будет, пользуясь инсталляцией швейцарского художника Флориана ГРАФА «Игровое поле», которая представляет собой масштабную шахматную доску, где вместо фигур расставлены стулья: каждый сам выбирает, кем ему быть — королём или пешкой — и решает, как играть в шахматы не индивидуально, а целой командой (практически МОЖНО будет оказаться на месте Рона из «Гарри Поттера»).

Выставочные проекты КРЯКК традиционно придут в гости в Красноярский музейный центр, где их можно будет увидеть в формате Музейной ночи с названием «Ризома» (с 1 на 2 ноября) в специальной программе «Урбан арт» — энциклопедия уличных искусств. Сегодня уличные искусства осознаются как важная культурная ценность современного общества, которую, как и прочие искусства, необходимо как-то музеефицировать. Здесь МОЖНО будет увидеть выставку стрит-арт-художника Паши 183 «Прогулки романтика»; проекты Уральской индустриальной биеннале, представляющие собой опыты эстетического освоения индустриальных городских пространств; выставку молодых художников Урала, Сибири и Дальнего Востока с их вариантами художественного переживания жизни города; ряд перформансов от художников Дмитрия ЦВЕТКОВА, Андрея КУЗЬКИНА, итальянца Ханнеса ЭГГЕРА.

Уличный перформативный театр раскроет тему города в романтическом ключе как «Город, в котором МОЖНО жениться»: спектакль Liquid theatre «SVADьБА» позволит зрителям оказаться гостями на лихом свадебном торжестве с любовными драмами, драками и перестрелками из-за невесты.

И, конечно, «Город, в котором МОЖНО» не может обойтись без ряда уличных проектов. В ближайшее время на городских остановках могут появиться крылья, способные превращать жителей в ангелов — воспроизведение стрит-арт-проекта Паши 183 «Город ангелов». Перед МВДЦ «Сибирь» зазвучат двери — аудиоинсталляция немецкого художника-музыканта-математика Эрвина ШТАХЕ «Закрой дверь!».

А ещё Красноярск станет участником международного проекта «Insideout/Наизнанку», инспирированного уличными произведениями французского художника JR. Проект предполагает, что городские жители, объединённые одной идеей, фотографируются на универсальном фоне, а их портреты, размещённые на фасадах городских зданий, сливаются в визуальный хор поддержки определённых гуманистических ценностей — в данном случае, конечно, это ценность чтения, где «Красноярск — город, в котором МОЖНО читать любые книги».

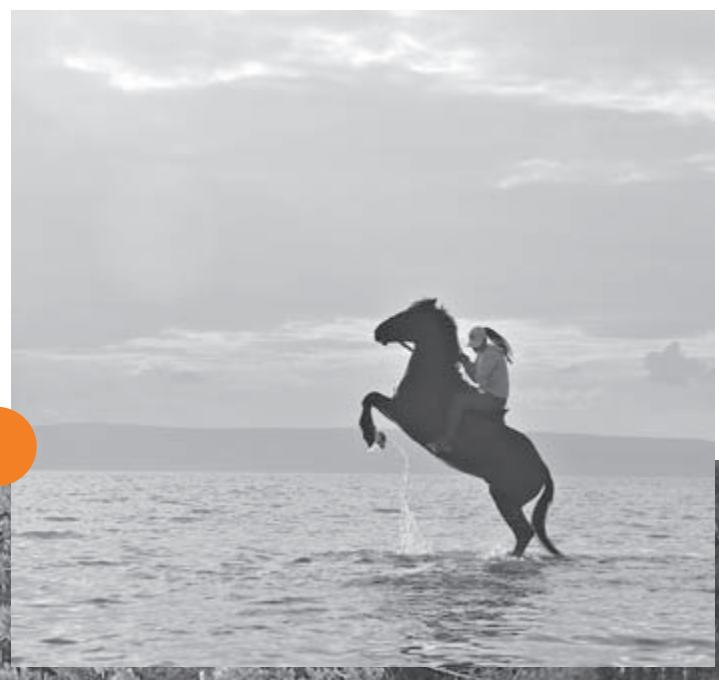
Александра СИТНИКОВА

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
интеллектуальный диалог
октябрь 2014 г.

Лошади и люди

Эту историю можно было бы рассказывать с бесконечными подробностями и деталями. Но мы подумали — зачем? — если стоит взглянуть на фотографии, и всё становится очевидно. Что однажды сев верхом на коня, человек не забудет этого ощущения никогда. А однажды полюбив лошадь — он сделает всё, чтобы быть рядом с ней как можно чаще.

Екатерина ВАСИЛЕНКО впервые села на лошадь 6 лет назад. Просто шла с работы через лес и увидела на дереве объявление: учим верховой езде. Оказалось, конюшня буквально рядом с домом.

Через три года Екатерина поняла, что хочет завести собственную лошадь. Тогда её Машу только привели из табуна, она была необъезженная и очень грациозная. Как и все эти великолепные животные, впрочем. Сейчас Катя нашла для своей Маши хороший конный клуб за городом и ездит туда, как только появляется свободное время. Уходит на это минимум 3-4 часа, но даже в будни — она старается такую возможность выкроить. Говорит, что как только подходит к лошади, все мысли, которые роились в голове целый день, уходят.

«Ехать верхом по лесу или в полях могу сколько угодно и каждый раз получаю от этого удовольствие. Кстати, недавно каталась в наших пригородных полях в районе Элиты и встретила там лисицу. Не сочтите за приглашение поохотиться на лис:)»